

Анастасия Вербицкая

Вечеринка

Анастасия Алексеевна Вербицкая

Вечеринка

Аннотация

«Петр Николаевич встал с левой ноги, по выражению Софьи Сергеевны, и вышел к утреннему чаю желтый и суровый. Прежде, этак лет десять назад, Софья Сергеевна от одного взгляда на брюзжащую мину супруга пришла бы в негодование, но теперь она хладнокровно спросила его, слегка цедя сквозь зубы, альтовым голосом:

– Мяса хочешь?...»

Содержание

I	4
II	17
III	24
IV	31
V	40
VI	45
VII	57
VIII	67
IX	81
X	93

Анастасия Вербицкая

Вечеринка

I

Петр Николаевич встал с левой ноги, по выражению Софьи Сергеевны, и вышел к утреннему чаю желтый и суровый. Прежде, этак лет десять назад, Софья Сергеевна от одного взгляда на брюзжащую мину супруга пришла бы в негодование, но теперь она хладнокровно спросила его, слегка цедя сквозь зубы, альтовым голосом:

– Мяса хочешь?

Прежде он обыкновенно отвечал: «не хочу»... Его катаральный желудок не переносил этих утренних бутербродов, которые так любила его жена.

На этот раз рот Петра Николаевича скривился в ядовитую улыбку:

– Тринадцатый год изо дня в день слышу этот неизменный вопрос... И неизменно отвечаю «нет»... Сколько еще лет впереди вы намерены меня угощать холодной говядиной по утрам?

Софья Сергеевна чуть-чуть покраснела. Но ссориться ей не хотелось. У неё были «планы»...

– Чудак!.. О нем же заботятся, а он злится...

– Хороши заботы!.– фыркнул Петр Николаевич. – За тринадцать лет почти не изучить моих привычек... Это равнодушие, сударыня, полное игнорирование моей личности, да-с...

– Не свои слова говоришь... – процедила Софья Сергеевна, хладнокровно прожевывая бутерброд.

Он не слышал, к счастью... С засверкавшими глазами он продолжал:

– Не далеко примера искать... это что-с?

Он щелкнул сухим длинным пальцем по облезлой, залитой салом клеенке, которая заменяла чайную скатерть.

– Это грязь, мерзость... трактир... Прошу из года в год... не могу допроситься... Подумаешь, белья нет...

– А прачка?.. – зычным раскатом пронесся голос Софьи Сергеевны. – Ты сосчитай, сколько на прачку идет... Разве напасешься белья с этими поросятами?

Она кивнула на присмиривших детей, из которых двое уже облили молоком клеенку.

– Э, да что говорить, разве с тобой столкуешь... Вот вчера весь день отравила нафталином... Голова болела весь день... Двенадцать лет твержу, что не выношу этого запаха проклятого... Нет таки... Упряма, как черт... Задыхаешься каждую зиму...

– А чем от моли спасаться?.. Ты научил бы... Че-ем?..

– Все равно... мошь все подъела... С таким неряшеством, как у нас...

– Нет, ты просто рехнулся... Какая тебя муха укусила нынче, Петр Николаевич?

– Не муха, а семья, матушка... Вот вы где у меня сидите...

Он хлопнул себя по затылку. У Софьи Сергеевны задрожали губы, но она сдержалась. Он тоже поспешил спрятаться за газету. Глаза его прыгали по строкам, ничего не видя. Ему уже было стыдно перед детьми за этот взрыв раздражения... Но наученный долгим опытом, он подозрительно отнесся к кротости супруги. Это грозило разговорами о деньгах.

Он не ошибся. Улучив минуту, когда жена пошла в спальню, он наскоро надевал пропахшую нафталином шубу, мечтая незаметно улизнуть. Но Софья Сергеевна застала его в тот момент, когда он влез в ботинки. Она всплеснула руками.

– В котелке!.. в этакую выюгу... Ты с ума сошел, Петр?.. Я тебе зимнюю шапку нарочно достала...

– Сама носи ее, сделай одолжение... И так уж задушила нафталином... Благодарю Бога, что я в драповом пальто не выхожу из-за твоего упрямства дурацкого...

– Простудишься... насморк схатишь... ведь уж зима на дворе...

– Вините себя, сударыня... никого, как себя...

Он уже выходил. Она поймала его за рукав старенькой енотки.

– Pierre... – ласковыми низкими нотами заговорила она, любовно глядя на него своими красивыми серыми глазами.– Pierre, мне нужны деньги...

Он беспомощно заморгал.

– Деньги... Какие деньги?.. Откуда?..

– Ах, Боже мой, ты забыл, что у нас в четверг жур-фикс?..

– Вот тоже... Есть у меня время о таком вздоре думать... –

вспылил Петр Николаевич. – Твои затеи... не мои... Я тебе дал деньги все сполна двадцатого... Какого еще рожна...

– То двадцатое, а нынче первое... Сам знаешь... жалованье прислуге... туда-сюда по лавкам отдашь, пустяки остаются. Дай хоть пятьдесят рублей... Не могу же я твоих инженеров битками накормить...

Он вырвал свой рукав и стал спускаться по лестнице.

– Петр, оглох ты или рехнулся?... – крикнула Софья Сергеевна, подождав секунду.

Тяжелые ботики Иванова стучали по каменным ступенькам. Фигура его уже исчезла из вида.

Она ждала. На щеках её выступили розовые пятна.

– Вот подожди... Украду из банка и принесу тебе... Больше мне взять негде, чтоб вас содержать прилично... – донесся до неё снизу задыхавшийся от бешенства голос.

Дверь гулко хлопнула.

Софья Сергеевна пожалала пышными плечами и вошла в квартиру. Что деньги будут, она не сомневалась. Вопрос в том, сколько он ей даст на этот раз? За последнее время (Господь его знает отчего) Петр Николаевич все чаще вставал с левой ноги и брюзжал, отравляя жизнь себе и жене. И как ни была флегматична Софья Сергеевна, семейные размолв-

ки стали учащаться, обостряя отношения супругов. Конечно, они мирились потом, но в душе у обоих оставался осадок горечи.

«Утомляется... Тоже ведь не машина», оправдывала мужа про себя Софья Сергеевна. Она ценила, что муж не изменяет ей, не кутит, не пьянствует, как другие.

«Идеальный батрак»... – язвила сестра Анна, сама много выстрадавшая от дон-жуанства красивого мужа.

Как бы то ни было, на лицо был факт, что самолюбие Софьи Сергеевны порядочно-таки притупилось за тринадцать лет супружества. Случись такая сценка в первые годы, вскоре после того, как она – стройненькая, беленькая гувернанточка, устав мыкаться по чужим домам, радостно вышла за безумно влюбленного Петра Николаевича, – о, она показала бы ему!.. И не раз она устраивала супругу великолепную истерику... Ей это даже нравилось... Она ничего не имела против этих встрясок, разнообразивших жизнь...

Беда была в том, что страсть Петра Николаевича что-то уж очень скоро испарилась. Через какихнибудь два года она исчезла бесследно... Ее сменила глубокая привязанность к детям. Желю он тоже сильно любил, но характер его портился. Явилась требовательность, раздражительность. Даже ласковость исчезла. Они редко разговаривали по душе, а потом уж ни о чем интимном не говорили, ограничиваясь одними мелочами домашнего обихода... Дрова вышли... У Сережи животик болит, доктора надо... Пора Наде на шубку но-

вую дать... Мясо вздорожало безбожно. У Евтихьевых опять скандал... она кухарку обсчитала... та мировому подает...

Но уж тут Петр Николаевич обрывал красноречие Софьи Сергеевны... он не любил, чтобы «судачили»...

И когда раз она, по старой памяти, вздумала впасть в истерику, он живо отучил ее, сбежав к брату на двое суток. В этих случаях – теперь, когда прошла его страсть, – он был непреклонен. Его не останавливали ни ночное время, ни выюга, ни тридцатиградусный мороз.

«Характерец», – сквозь зубы говорила Софья Сергеевна.

А Петр Николаевич отвечал ей, – эдак лет шесть после свадьбы:

– Нет уж, сударыня, – я вам даю комфорт, удобства всякие, сытую жизнь... От вас требую одного: покоя...

Софья Сергеевна никогда не спрашивала себя, есть ли у мужа деньги, когда в хозяйстве оказывался изъян...

Она входила в гостиную, где он работал поздно вечером за письменным столом, и клала перед ним счета из магазина полотен и белья.

– Это что еще?.. – спрашивал он испуганно.

– У детей простыни развалились... Надо наволочки и из столового кое-что... Завтра пришлют за деньгами...

– Восемьдесят рублей?.. Да что ты, мать? Откуда я их возьму?..

– Вот чудак-то! – Она пожимала круглыми плечами. – Говорю: простыни развалились, полотенец нет... Опять чай-

ные...

– Да как же это так вдруг сразу развалилось все?

– Ах... ну что ты понимаешь, Pierre? Не могу же я за каждой мелочью отдельно таскаться в магазин... Лучше en gros... Скидку делают...

– Чорта с два «ангро»... – мгновенно раздражался Петр Николаевич. – Хороша скидка! Ты бы еще на сто рублей счет представила... Что мне их тебе – родить, что ли, эти деньги? Откуда я их возьму?..

– Без наволочек тоже нельзя, – упрямо твердила свое Софья Сергеевна, отлично зная, что стоит на твердой почве, и что деньги будут.

– Слава Богу, развязались с бельем, – говорил Иванов на другой день, отсчитывая деньги. – Прошу меня теперь лет пять, по крайности, не беспокоить...

«Дурак, – думала, улыбаясь, Софья Сергеевна, – Точно дети не растут? Пять лет, – шутка сказать»...

Проходил месяц и опять новый счет.

– Это что такое?

– Пять пар башмаков... Приказчик ждет из магазина. У детей обуви нет...

Хуже всего было весной или осенью. Сразу требовалось пять или шесть пар калош, затем ботишков.

– Да ведь позволь... кажется, недавно?...

– В сентябре, – подсказывала Софья Сергеевна, – а теперь март... у детей ноги растут, или нет? Как ты полагаешь?

Конечно, он соглашался, что растут. Что-ж тут спорить? И так до бесконечности.

Всего страшнее счета были от Мюра, переходя за сотню. Там фигурировали осенние и весенние пальто мальчикам, бурнусы девочкам, муфточки, капоры, фланелевые штанишки, гетры, рукавички...

...У Петра Николаевича в глазах темнело.

– Ты меня без ножа режешь, Софья Сергеевна... Побойся Бога... Где я тебе такую сумму возьму?

– Я, Петр, не виновата... Я их пальто не ем, их башмаками не закусываю... – иронизировала она, вспоминая Щедрина. – Нечего, значит, меня и попрекать... Твои дети, не чужие... Любишь кататься, люби и саночки возить, – флегматично изрекала она.

– Да ведь катались-то мы оба, а плачусь я один, – озлобленно кричал Иванов. – В толк не возьму, как же у других людей, победнее?.. Все разве в магазине готового платья одеваются? Как же Ельниковы?.. Анна сама все делает... Почему же ты?..

Софья Сергеевна вставала и величественно приседала перед мужем, склоняясь в реверансе с той же грацией, как и двадцать лет назад перед попечителем института.

– Мерси, Петр Николаевич!.. У твоей Анны дети ходят, как нищие... Ну, а я своих в таких отрепьях на бульвар не выведу... Они у меня в гости ездят, на елку в порядочные дома... Да самое лучшее, отошлем все назад, в магазин... Пусть до

лета сидят в комнатах, без воздуха... За то будет экономия...

И она уплывала из комнаты, высоко неся голову и раздувая красивые ноздри.

– Ну, прощай наградные! – с отчаянием думал Петр

Николаевич, мечтавший сшить себе новый сюртук, так как старый его весь лоснился и побелел по швам. – Теперь и к матери в Псков съездить не придется...

«Что за обуза семья, – говорил он себе в эти минуты. – Какой дьяволе толкает нас в эту западню?..»

Но если Петр Николаевич отчитывал свою Софью Сергеевну наедине, то никому, даже сестре Анне, которую они любил больше всей родни, он из самолюбия не позволил бы заикнуться о ней... Она его жена, и довольно... Его жена – святая женщина...

– Все буржуи так рассуждают, – возражала сестра Анна. – У них всегда жены святые... Почему не любить человека со всеми его недрстатками?.. Зачем дюжинную женщину тащить за уши на пьедестал? Послушать вас, мужей, мы только и окружены святыми женщинами и образцовыми воспитательницами... А жизнь доказывает другое... Нравственный и умственный уровень молодежи все понижается... Кто же виноват?.. Не одна школа... виновата и семья... Вот эти ваши святые женщины... И – прости меня, Петр... – Твоя Софья Сергеевна – прудоновская женщина, не больше... Знаешь? есть такой сорт женщин, – рыхлых, белых, сдобных... Одним словом, перинное счастье... Кичиться тут, право,

нечем...

Сама она была такая желтая, худенькая, измученная, состарившаяся преждевременно среди нужды и самотоверженных забот, о семье, – была такая несчастная в браке, – что у Петра Николаевича язык не поворачивался обругать ее за эту желчную выходку, или удрать, схватив в охапку шапку, как, он это проделывал раньше со старухой матерью.

– И наплевать!.. – гремел Петр Николаевич, возбужденно бегая перед сестрой. – Мне не нужно другой... А все-таки Софья хорошая баба... Здорова, весела, хозяйка... На наряды не тратится, поклонников не заводит, детьми не тяготится...

– Все это отрицательные добродетели, Петр... Ты назови что-нибудь положительное... Ну, например, скажи, чем она интересуется?

– Ну так что ж?.. Она тоже смолоду читала, стремилась, работала и все такое... На все время... Все лучше, чем жена, которая по курсам и урокам шляется... а дети горбатые от недосмотра...

– Да ведь и ваши на няньках... да еще русских няньках... Дело – случая...

– Пусть... её глаз в доме нужен... При хозяйке все иначе идет... Те же няньки – шелковые...

– Словом, ты доволен?.. – усмехалась Анна.

– А, конечно, доволен... Язык у неё длинный?.. Верно... Но у кого этого нет?.. И мужчины судачат не хуже баб... А

что она сама не зарабатывает, – и незачем... И своего – семейного дела – по горло... Что это за семья... наконец, где муж не кормилец и не глава?

– Это власть рубля, – только... – смеялась Анна. – Не даром вы за нее держитесь...

Петр Николаевич и смолоду относился скептически к женскому вопросу, а когда с годами кругом развелось столько дам – учительниц, врачей, чиновников, писательниц и даже... драматургов... (Ты, Господи, видишь, чего только нет!) – и когда его Софья Сергеевна неожиданно оказалась в числе отсталых, – Петр Николаевич не только по своей консервативной натуре, но уже прямо из самолюбия стал ярким противником женской независимости. Он желчно радовался всякой выходке графа Толстого против высшего женского образования и как бы прятался за его авторитет. Кидти Левина – семьянинка и хозяйка – вот его идеал женщины.

И если случалось Петру Николаевичу так вдруг ополчиться на жену и упрекнуть ее под горячую руку в дармоедстве, – он скоро сознавал, что просто сорвал на ней сердце, и ему было совестно. Он старался помириться, заигрывал с надувшейся Софьей Сергеевной, с видом побитой собаки, жалко и виновато виляющей хвостом перед хмурым челом хозяина... Вот когда Софья Сергеевна подымала голову и чувствовала свою силу...

Но выходило как-то так, что после тринадцати лет, уверяя сестру в своем счастье и благополучии, – Петр Никола-

евич в глубине души все-таки оказывался ярким противником брака... Было тут что-то, с чем он не мог помириться, чего не мог простить кому-то... Хуже всего, что ведь и виноватого-то не находилось, а обида была на лицо... Та вопиющая социальная несправедливость, которую так оригинально осветил Глеб Успенский... Действительно: он, как корень, ушел под землю... Из цветущего человека стал какой-то жердью за десять лет брака, волосы и зубы стали падать, весь организм захирел и расшатался... Совсем как те старые пьянино, что таскают по дачам годами. С виду будто целы, а педаль гудит, клавиши щелкают, молоточки сломались, где мыши изгрызли замшу, где моль поела фланель... Музыкальные инвалиды...

Так и он... Вкуса к жизни уже нет. Еще лет десять – и он будет клячей. Кто подымет детей на ноги? У него навряд ли хватит сил дотянуть эту ляжку... Вот он бежит еще сейчас, подгоняемый бичом беспощадной жизни, подбодряя себя, напрягая все силы, – но устает и теперь... а старые клячи не бегут, как бы ни свистал над ними кнут. они только помахивают хвостом да укоризненно трясут головою...

Лучшие годы ушли на борьбу за право иметь семью. Теперь одна мечта – дотянуть до пенсии. А придет этот желанный день, и он будет уже руиной – без запросов и стремлений. И за границу не потянет, при первых лучах весны, когда греет солнце, так возбуждающе чирикают воробьи, так звонко бегут ручьи кругом... Какой прилив сил и любви к жизни

чувствовал он всегда весною лет десять назад!.. И на Кавказ уже не зачем будет ехать, и мир Божий перестанет манить к себе его усталую, замученную чиновничью душу...

А жена цветет, жиреет, как пулярка...

– Не женитесь, – говорил он часто в семейном кругу своим молодым братьям, которых сам поднял на ноги и которым заменял отца. – Если хотите сохранить в себе здоровье, вкус к жизни, человеческое достоинство... порядочность, наконец... Семья все сожрет и оставит от вашего нравственного «я» один остов...

«Дурак», – снисходительно бросала Софья Сергеевна, если случалась тут.

А братья, глядя на высохшую, геморроидальную фигуру Петра Николаича, думали про себя, что он представляет не только нравственный, но и физический остов.

II

Как и следовало ожидать, Петр Николаевич принес к обеду пятьдесят рублей, и после тарелки щей, на этот раз особенно вкусных, благодаря личным хлопотам хозяйки на кухне, и после битков с луком, мастерски поджаренных в сметане (любимые блюда Петра Николаевича) – он мягко сказал жене:

– Нельзя ли только поаккуратнее, Соничка? Ей Богу, больше достать не откуда... хоть разорвись...

– Ну, конечно, Pierre... Спасибо... Само собой, что буду экономить...

На другой же день, проводив Петра Николаевича на службу, Софья Сергеевна поехала на Кузнецкий, мост и в Охотный ряд. Это был канун жур-фикса, каждый час был дорог. Жур-фикс был вроде генерального сражения, исход которого зависел от случайностей и непредвиденных мелочей, вроде разрозненного сервиза, неудавшегося соуса, забытой деликатесы из царства закусок... Надо было все взвесить, предусмотреть, предугадать, наконец, и выступить перед гостями – врагами во всеоружии с девизом: иль на щите, иль со щитом... Мудрено ли, что даже хладнокровная Софья Сергеевна нервничала с утра, дала подзатыльника вертевшимся под рукой детям, сорвала сердце на прислуге и схватилась за висок... Лицо её, молодое, румяное и красивое, казалось

теперь, после плохо проведенной ночи, изжелта бледным и слегка припухшим. Но уже сев на извозчика, она ощутила подъем нервов, как всегда перед покупками.

– На Кузнецкий, – сказала она мягкими альтовыми нотами и почувствовала опять, как хорошо жить на свете.

Минут через пятнадцать езды по свеже-выпавшему снегу, Софья Сергеевна очутилась в знакомой стороне: Кузнецкий, Неглинная, Петровка, пассаж и Мюр и Мерилиз...

Родные места... Это было поистине бабье царство... Сколько денег оставлено за манящими витринами этих роскошных магазинов! Сколько мечты, беспокойной и красивой женской мечты развеяно тут, пред пленительной выставкой этих переливчатых, сверкающих материй, кружев, лент, всех этих пустячков, наполняющих жизнь женщины такими светлыми, невинными радостями!.. Софья Сергеевна умиленно вздохнула, и её большие глаза стали влажными от воспоминаний. На этих улицах прошла вся её жизнь, её лучшие минуты... Она видела себя институткой, на летних вакациях, бегущей в пассаж поглядеть на окна магазинов и постоять пред ними полчаса в сладком забвении, в дух захватывающем желаньи... Она видела себя стройной и юной, уже гувернанткой, бегущей сюда же на последние трудовые гроши купить галстучек, или кружевное fichu, или газовый шарф, пустяк, который давал тусклой жизни такую красоту... Она никогда не изменяла своей привязанности к родным местам... Живя то на Палихе, то у Земляного Вала, где-нибудь у чор-

та на рогах, как деликатно выражался Петр Николаевич, в далекие и счастливые первые годы их супружества, – Софья Сергеевна чувствовала себя всегда чужой, всегда равнодушной к окраине и стремилась душой на Петровку, каждый камень, каждый дом которой был ей знаком и дорог...

Сани остановились у посудного магазина Кузнецова.

– Подожди, – кинула извозчику Софья Сергеевна.

У неё была очень величественная осанка. «Королева» говорили о ней мужчины. – «Королева» шептали женщины.

Когда барыни с такими осанками входят в магазин, приказчики стремительно бросаются навстречу. У Софьи Сергеевны был к тому же талант покупать на пятьдесят копеек с таким апломбом, как будто она забирала на десять рублей. Но в этом магазине ее помнили, как хорошую покупательницу вообще, и потому удвоили внимание.

– Мне надо вазочку для варенья... – процедила она сквозь зубы. – Какую-нибудь изящную... поновее фасоном...

«Ничего больше не возьму», – твердо решила она про себя, помня обещание экономить.

Приказчик, молодой и женолюбивый, с огромным фальшивым изумрудом в галстухе, опрометью кинулся к полке и выгрузил перед красивой дамой, по крайней мере, дюжины две вазочек.

Волоокая Софья Сергеевна подняла взор кверху, и он заискрился. Боже мой, как она любила посуду!.. Если б не было стыдно, она готова была бы часами сидеть тут и любо-

ваться этими изящными рисунками по фарфору и фаянсу, этим хрусталем. Вдруг она вспомнила, что у них разрозненны рюмки... Ольга разбила штуки три да прошлом жур-фиксе... Стаканов может не хватить, если опять будут играть на три стола...

Приказчик читал в её душе и с улыбкой подавал ей воздушные, хрупкие, как девичья мечта, стаканы с тонким узорчатым ободком...

– Заверните... – прошептала она с таким выражением, как другая сказала бы: «поцелуйте»...

– Сколько-с?.. – в тон прошептал и приказчик близко наклоняясь и заглядывая ей в глаза, как заговорщик.

– Дюжину...

– Мало-с... Меньше двух нельзя...

Она с блуждающей улыбкой кивнула головой.

Приказчик махнул мальчику и стаканы исчезли с прилавка.

К стаканам были поданы такие же тонкие блюдца... Рюмки долго занимали воображение Софьи Сергеевны. Все казалось ей недостаточно стильным и оригинальным...

«Довольно... Довольно...» кричал внутри голос благоразумия.

А приказчик, как бес-искуситель, уже выдвигал новую батарею рюмок, узеньких, стройных, длинных, как талия английских мирс.

– Отберите... – разнеженным звуком сорвалось у молодой

женщины. – Две дюжины...

– Три-с, – решительно молвил приказчик.

Ей было стыдно торговаться. Эта любезность обязывала.

Кажется все?.. Вдруг она ахнула. Боже мой! Где же её голова? А блюда-то к варенью? У неё ведь ужас что за блюда... Она была больна и поручила купить Анне Ельниковой... И та ее наградила... За то, говорит, прочны... Действительно... Ей вспомнились блюда в доме инженерши Анны Денисовны. Со стыда сгорим при ней за эдакия блюда...

Вмиг прилавок засверкал хрусталем.

Но угодить на Софью Сергеевну было нелегко. Она перерыла весь магазин, пока, не нашла таких, как у Анны Денисовны... Точь в точь... Ну что за прелесть!

Она благодарными, нежными глазами глядела на приказчика... А он уже предлагал масленку, такую оригинальную... И молочник необыкновенной красоты...

У них давно уже подают к чаю такой безобразный кувшин, с отбитой ручкой...

– Заверните... – благосклонно сказала она.

А на прилавке уже стояли тарелочки для закуски... совсем простенькие, белые, с веткой лиловой сирени... Одно изящество... Меньше двух дюжин купить нельзя... У них давно разрознен сервиз...

– Сударыня, взгляните... последняя новость...

– Нет, нет... Я больше не могу!.. – крикнула она, вдруг

опомнившись... – Я ничего не возьму.

– Вы только взгляните-с... Потому что у вас есть вкус... Вы умеете ценить такие вещи... Сервиз чайный... Последняя новинка...

И свирепо скосив глаза на зеленого и худого зазевавшегося мальчика, приказчик прорычал ему:

– В левом углу, вторая полка... № 58... Живо...

Софья Сергеевна твердо решила только взглянуть... Но когда перед ней появились тонкие, белые, как снег, чашечки, напоминавшие тюльпан, с широким бледнозеленым ободком, она почувствовала, как тает её благоразумие.

Боже мой! Какая красота!.. И только двенадцать рублей?.. Это прямо задаром... А у них-то сервиз... Когда покупали?.. Дай Бог памяти. Да лет пять никак?.. Надменное лицо Анны Денисовны всплыло перед ней...

– Заверните...

Подали счет в тридцать рублей...

– На дом прикажете прислать?.. – бархатными нотами спрашивал приказчик раскрасневшуюся, смущенную Софью Сергеевну.

– Нет, благодарю вас... Я заеду сама...

«Конечно, это было не совсем осторожно», думала Софья Сергеевна, направляясь в Охотный ряд. – Муж просил по-экономить... Уж очень они зарвались этот год с жур-фиксами, поддерживая связи... Да и прошлый год вдвоем с мужем проиграли около пятисот рублей в винт... По всем лавкам

задолжали... Но ведь что будешь делать?.. Без хрустала тоже нельзя... особенно когда к себе зовешь людей... А без связей разве найдешь место? Разве сделаешь карьеру? Лишь бы вот завтра не проиграться Пьеру, тогда как-нибудь, авось, дотянут до жалованья... У няньки призанять можно десяточку... Эти инженеры меньше как по двадцатой играть не станут... мелькали мысли вразброд. Но у знакомой лавки все сомнения улетучились.

Даст Бог, обойдется... решила Софья Сергеевна, вылезая из саней.

III

Она вернулась к обеду с тремя кульками и ящиком посуды, уставшая и слегка раздраженная, заплатив целый рубль продрогшему извозчику. Но тот был недоволен и просил накинуть хоть гривенник.

– Ты с ума сошел?.. – грозно спросила его Софья Сергеевна и сверкнула красивыми глазами.

– Никак нет, сударыня... В шесть местов заезжали... Нешто вы рядились?

– За восемь гривен рядилась, даю рубль... Вот народ!..

– Замерз весь... Хоть скотинку пожалейте, сударыня... Не жрамши сидим... сами знаете, время какое?..

– Ах, отстань пожалуйста... Это просто бессовестно! Ольга, берите кульки! Да осторожнее вот этот ящик... здесь посуда...

Как на грех подоспел Петр Николаевич.

– Что тут такое?.. – спросил он, переводя глаза с красивого, молодого лица жены на рябую, заветренную физиономию извозчика.

А тот уж тащил как-то сзади наперед свою шапку и начал сызнова свою канитель.

– Почитай два часа ездили... Рядились в Охотный, а потом на Кузнецком час дожидался... Пожалейте, барин, скотинку...

Петр Николаевич весь сморщился, словно уксусу хлебнул, пошарил в портмоне и, запахнув шубу, развевавшуюся на ветру, сунул извозчику серебряную монету.

– Что это, Петр... Ты никак рехнулся?

– Дай тебе Бог здоровья...

Извозчик выхватил кнут, ударил заморенную лошаденку, с запавшими потными боками, и санки скрылись из переул-ка.

– Охота разговаривать из-за пятиалтынного, – брезгливо заметил Петр Николаевич, подымаясь по лестнице казенной, квартиры.

– Нет, это просто возмутительно... Ты только разворачи-ваешь их такими подачками... И потом – это никаких денег не хватит. Я дала двадцать копеек сверх уговора... а он еще... Хорош хозяин... – твердила она, раздеваясь в передней.

– Ну да ладно... Будет... Авось не обеднеем...

– Ты всегда, всегда на смех...

В её голосе слышалась дрожь.

– Да будет тебе, Софья Сергеевна! – прикрикнул Ива-нов. – Испорть еще весь вечер мне из-за пятиалтынного... Вот бабы-то!.. Считай, что нищему подала... для спасения души... Не тот же он нищий?.. Тьфу... кончится тем, что сбегу на весь вечер...

– Я нищим таких денег не раздаю... – язвительно возра-зила она. – У нас пять человек детей...

– Ольга!.. Шубу!.. – загремел Петр Николаевич, бросаясь

в переднюю.

Вышел маленький скандалчик, но кончилось все-таки миром. Софья Сергеевна во-время повисла на рукаве у мужа и не дала ему уйти.

Тем не менее воспоминание о пятиалтынном сосало ее до вечера, придавая колорит раздражительности её обыкновенно флегматичному тону.

Но вечером, накануне торжественного дня, Софья Сергеевна приобрела опять душевное равновесие.

Перед отходом ко сну, сидя на двухспальной кровати в теплой вязаной юбке и широчайшей белоснежной кофте она совещалась с кухаркой, под каким соусом подавать севрюжину; но Софье Сергеевне очень хотелось вовлечь в этот интересный, важный разговор и мужа.

Петр Николаич, схватившись за щеку, терзаемый зубной болью, нервно шагал по амфиладе комнат и с нетерпением ждал, когда, наконец, ему дадут лечь в постель. Ему почему-то казалось, что стоит ему лечь (и непременно среди тишины), – стоит согреть дергавшую щеку, как мгновенно прекратится эта мучительная боль.

– Я думаю, что следует сделать соус провансаль... Pierre... А?.. Как ты полагаешь?

– М-м... – доносилось из кухни неопределенное мычанье.

– И знаешь почему?.. Анна Денисовна... ведь она себя за образцовую хозяйку выдает... Так она спорила со мной на той неделе, что дома ни за какие деньги настоящего прован-

сая не получишь...

– Как, матушка барыня, не получить?.. Коли ежели хорошая кухарка, да все в плипорции...

– Нет... Она стоит, на своем, что никакая кухарка, – хоть будь она разбелая, – не сделает провансалья... А по книжке и подавно... Вот я и решила ей завтра нос утереть, – вдруг повысила Софья Сергеевна свое жирное контральто. – То-то сконфузится... то-то озлится... Слышишь Пьер?..

– Мм...

– Значит так, Агафьюшка... Индейку с яблоками, севрюжину с провансалем... С утра намочишь селедки и все приготовь для гарнира... Я сама убегу... И соус завтра сама буду делать...

– С шкаперцем? – меланхолически спросила Агафья, стоя в дверях, с сложенными на животе руками и склоненной на левый бок головой.

– Да, с капорцами и оливками... Я уж их купила... Помнишь, Пьер, какой соус я делала к твоим именинам?.. Пальчики все гости облизали... Еще тогда тетушка твоя...

Вдруг на пороге гостиной вытянулась длинная, сухая фигура Петра Николаевича. Округлившиеся глаза его прыгали от злобы.

– Да провалитесь вы... со всеми вашими тетушками и провансальями!.. – яростно закричал он и судорожно затряс сжатыми кулаками. – Дайте хоть на минуту покоя!.. Я повеситься готов...

Излияния замерли на устах Софьи Сергеевны. Она сделала кухарке таинственный знак, и та исчезла беззвучно, захватив мимоходом шерстяную юбку хозяйки и бариновы штіблеты.

Петр Николаевич моментально разделся, сбросил войлочные туфли «шептуны» и юркнул под одеяло. Наложив на ухо «думку» жены, он старался забыться. Но дрожь пронимала его все сильнее.

Софья Сергеевна не спеша разделась и с наслаждением растянулась своим холеным большим телом на чистом белье, пахнувшем фиалкой. Спать на одной кровати можно было только на боку, а потому Софья Сергеевна повернулась к мужу спиной.

Нервный окрик супруга нисколько не раздражил ее. Она была слишком благодушно настроена предстоящими хозяйственными хлопотами и будущим посрамлением Анны Денисовны.

Софья Сергеевна тоже имела слабость считать себя образцовой хозяйкой. Она не только высоко ставила свои обязанности по кулинарной части, – она делала из них нечто вроде культа. В дни супружеских размолвок Петр Николаевич всегда упрекал ее за мотовство и неуменье экономить. Софья Сергеевна считала это высшим для себя оскорблением.

– Где ты видал лучшую хозяйку, Петр?.. Где?.. – спрашивала она.

– Это всякая сумеет... двести почти рублей на стол тра-

тит, – иронизировал Иванов. – Нет, ты вот умудрись на сто прокормить семью, да чтобы вкусно было... а то ишь ты... Одному мяснику по книжке всякий раз сотенную отсчитывай... Ростбифы чуть-ли не каждый день уплетают... Хорошо уменье!.. Это всякая сумеет... – так говорил Петр Николаевич в дни ссор.

В дни перемирия у той же Софьи Сергеевны оказывались на лицо все таланты. Петр Николаевич умел не только внушить всем родным и знакомым, и самой жене, что она образцовая хозяйка, идеальная жена и мать, словом – совершенство домашнего обихода, – но (что всего удивительнее) сам искренно начинал в это верить.

Жалобный, полусдавленный стон прервал на минуту радужные мечты Софьи Сергеевны.

– Бедняга... Как простудился... Мудрено-ли? В такую отвратительную погоду котелок надеть вместо шапки... Говорила – сухой горчицы в носки и принять хины... Нет таки... Упрям, как осел, этот Петр... Сам виноват... А теперь не спи...

Когда Софья Сергеевна была в хорошем настроении, она называла мужа Pierre'ом. Проиграв в клубе рублей пятнадцать (она была страстная винтерка), она подходила к мужу, ударяла его ласково веером по плечу и нежными контрольными нотами говорила:

– Pierre... уплати...

Стоило супружескому барометру опуститься, как Pierre

обращался мгновенно в Петра. Когда же Софья Сергеевна говорила мужу «Петр Николаевич», – все в доме, начиная с детей и кончая подьяньюкой, – четырнадцатилетней Фроськой, – знали, что барометр показывает бурю...

IV

В день жур-фикса Софья Сергеевна, с засученными рукавами, в щегольском фартучке из парусины, кокетливо обнимавшем её роскошный бюст, с пылающими щеками и веющими прядями, которые выбились из её пышной темно-каштановой косы, – летала, не смотря на свою тучность, – из кухни в кладовую, оттуда в столовую. А за нею по пятам, неотступно – как тени, – носились пятеро здоровых ребят. Оно застревали в дверях, давили друг другу ноги; озлобленно сверкая глазами, молча показывали друг другу кулаки и прыскали со смеху; обменивались таинственными знаками и условными словечками, урывали там морковку, тут яблочко, выпрашивали у матери и у кухарки разные подачи...

Дети были посвящены в тайну сюрприза, который мама готовила еще летом нарочно для гостей. Этот сюрприз заключался в необыкновенном, диковином варенье, банка которого красовалась на нижней полке буфета. Вечером ее должны были распечатать впервые. И для него-то именно покупалась вазочка «новость»...

Обедали наскоро и рано, кое-как и кое-чем. В третьем часу знаменитый провансаль был уже готов, оба новые сервиза – чайный и столовый – перемыты, белье и ножи новые вынуты, варенье наложено в вазочки (кроме того, которое Софья Сергеевна решила выложить в последнюю минуту)...

Столы вычищены, свечи вставлены, сухарница полна воздушными стружками, от которых ребята приходили в восторг... Было дело... Его хватило на всех, – и на няньку, и на подняньку, и на кухарку, и на горничную. Та в четвертом часу еще вытирала последние подоконники и собиралась в спальней почистить отдушник. Все сбились с ног, за то квартира Ивановых блестела и сияла так, как у других людей блестит под Рождество, да под Пасху. С Анной Денисовной надо было ухо держать остро. Она наденет пенснэ, да все карнизы оглядит, нет ли где паутины... Да цветы на окнах перетрогает... И беда если пыль увидит!.. Так и брякнет сейчас при всех, чтобы показать какая у неё самой в доме чистота!..

Действительно у неё дом свой, как игрушка, комнаты словно бонбоньерки... Еще бы!.. Богачка, детей нет... Целый день бродит по дому и носовым платком с безделушек китайских на этажерках пыль стряхивает...

«Всю жизнь наполнила пылью», смеется над ней сестра Анна.

– Кажется, все?.. – с тревогой спрашивала вслух Софья Сергеевна, обходя квартиру в пятом часу и зорко щурясь на все углы. – Право, кажется, все?..

В гостиной она сняла с фикуса желтевший лист и пронзительно оглядела его блестящие, твердые, словно лаком покрытые, листы. Чисто... Буквально не к чему придраться!.. Она шумно передохнула и стала отстегивать кокетливый фартучек, весь пропахший запахом плиты.

Отяжелевшей поступью усталого человека направилась она в спальню. Но в столовой у буфета остановилась неволь-но, чтобы полюбоваться новым хрусталем... Ну, что за кра-сота!..

В пять часов измученная Софья Сергеевна прилегла на кушетку, чтобы дать отдых ноющим ногам и пояснице. Вдруг раздался оглушительный звонок.

Там звонить мог только хозяин.

– Ах, Боже мой!.. Ольга!.. Агафья!.. Да что же прибор?.. – опомнилась Софья Сергеевна.

За этой суеткой она совсем забыла о Пьере.

Измученный (он умудрялся служить в трех учреждениях), с портфелем работы на дом, иззябший, с распухшей щекой. Петр Николаевич сумрачно оглядел пустой стол и сконфу-женную фигуру жены. Оказалось, что Агафья забыла поста-вить в печь остатки супа и вчерашнего жаркого.

Софья Сергеевна налила мужу водки...

– Сейчас таган разводит, – доложила горничная, подав на закуску сморщенный, как кожа старухи, невкусный соленый огурец.

Петр Николаевич выпил рюмку и схватился за щеку.

– Раньше-то не могли о муже вспомнить?... – язвительно кинул он жене и забегал по комнате, кривясь от боли... – Кажется, не безызвестно вам, что я голоден, как... собака?.. Завтраками ведь нигде не кормят...

– Ах, пожалуста, не ворчи!.. Я сама с ног сбилась с гостя-

ми...

– Гости!.. Гости!.. – вдруг закричал Петр Николаевич, останавливаясь на месте разом и как-то дрыгнув ногами. – На какого они мне чорта, ваши гости?.. Кто их звал?.. Две ночи не сплю... Работа на дом спешная... Опять выспаться не дадут... Удовольствие иметь семейку... эту прорву... Ухлопываешь в нее здоровье, силы, весь заработок... А о тебе даже заботы нет ни у кого...

Его голос задрожал.

Но это было уж слишком.

– Да ты спроси... и... ела ли я сама с утра хоть что-нибудь? – заголосила Софья Сергеевна, вставая и выпрямляя свой пышный стан. – Весь день на ногах мыкаюсь... как оглашенная... Гости-то ведь твои... Твои инженеры... Они тебя за уши тянут... Подумаешь, я только для своего удовольствия эти «фиксы» завела... Да провались они совсем!.. Да разве я жаловалась когда-нибудь на усталость?.. На эту собачью жизнь?..

– Твоя жизнь собачья?..

Петр Николаевич остановился посреди комнаты и всей своей тощей и высокой фигурой изобразил как-будто восклицательный знак.

– А ты скажешь, – сладкая?...

Софья Сергеевна села опять, и лицо её отразило твердое намерение защищаться до последней капли крови... Надоели ей уж эти сцены и упреки в дармоедстве за последние че-

тыре года!.. Будет!.. Нельзя же все объяснять неврастением, переутомленьем и т. д. Петр распустился... больше ничего!.. И она, наконец, требует к себе уважения и деликатности.

– Ты бы в мою шкуру влезла... – говорил Петр Николаевич. – С девяти до пяти... а когда и до восьми на службе... на голодное брюхо... да и во всякую погоду... да неприятности с начальством... да оскорбления всякие и придирки глотай... Из-за вас, все из-за вас, сударыня!.. Был бы одинокий, плюнул и ушел... одна голова не бедна... А теперь батрак ваш до могилы... А вы еще смеете жаловаться, сидя в тепле, да и в холе?.. с кофиями, да сладостями... Вы вот спать завалитесь, а я до двух-трех сижу за работой, а в девять пожалуйста на службу... Опять... Колесо проклятое... завертело... не вырваться!..

Его желчное, еще красивое, но совсем больное лицо все дрожало от возбуждения. Губы тряслись.

Почва вдруг заколебалась под ногами Софьи Сергеевны. Ей стало жаль мужа.

– Петр... да как же другие жены?.. – начала она неуверенно.

– А наплевать мне на других!.. – загремел Петр Николаевич. – Я на вас, сударыня, женился... вам закрепостился... Так вы бы... хотя б из деликатности не лезли в спор... слово за слово... Ведь вы что без меня?.. Нуль... Во всех смыслах нуль... Без единицы нуль... – злорадно выкрикивал он, радуясь пришедшему на ум сравненью... – Помру я завтра,

вы на улице... с ребятами... вы отброс – обуза обществу... Вам бы помнить об этом ежедневно... да беречь содержателя своего... батрака законного... А где ваша забота?.. Съели вы меня!.. живьем... Вот уж именно коровы египетские... Тучные коровы... пришли и сожрали мужей...

Этой несправедливости Софья Сергеевна не могла перенести молча... Господи!.. Всему есть мера... Губы её задрожали от обиды...

– Да позволь, – начала она сдержанно. – Не волнуйся. Тебя послушать со стороны, я только и барствую... Да кем же дом держится, скажи, пожалуйста?.. Чья тут забота о всех вас?.. – спрашивала она, разводя большими, белыми и выхоленными руками.

Но Петр Николаевич желчно смеялся, стоя посреди столовой и раскачиваясь на каблуках.

– Действительно, большая забота!.. Четыре прислуги... Домашняя портниха... Самой дочери платьице сшить некогда... Для Сергея репетитор, для Нади приходящая гувернантка... Подумаешь, сама в институте не кончила?.. Черт вас знает, чему вас там учат!.. И за все плати, на всех разрывайся... А за это даже пообедать не дадут!.. – кричал он, трагически потрясая худой рукой. – Одну только и знаю порядочную женщину – сестру Анну... Вам всем – бабью – живой укор.

Софья Сергеевна вскочила и глаза её засверкали. они с золовкой терпеть не могли друг друга. Одного имени её бы-

ло довольно, чтоб поднять целую бурю в незлобливой душе Софьи Сергеевны.

– Так вам хотелось бы, чтоб и я, как Анна Николаевна, одна с ребятами, – и за кормилицу, и за няньку, и за гувернантку, и за репетитора?.. Благодарю покорно!.. Это не жизнь, хомут какой-то!.. Уж она в гроб глядит... А мне и недолго свалиться... с моими нервами... и почками... Вам, конечно, от меня отделаться приятно, – с дрожью в голосе неожиданно заключила Софья Сергеевна, – и ей стало жаль себя, как всегда, когда она вспоминала о своих почках...

– Если-б вы все так помогали мужьям, – не слушая, кричал Петр Николаевич, – да зарабатывали, как Анна, – мы бы не умирали в цвете лет от истощенья...

– Позволь... Да что же она зарабатывает?

– А вот ты, матушка, сосчитай, – чего мне стоит содержать домашний штат?.. Вот и узнаешь, что зарабатывает Анна.

Софья Сергеевна, отворив дверцу буфета, бесцельно переставляла новые рюмки. Руки её чуть дрожали – и хрусталь звенел, сталкиваясь со стаканами, так слабо и приятно.

– Уж святая!.. Что говорить! – соглашалась она, зловеще раздувая ноздри. – От хорошей жизни, да от добродетели моща стала!.. Жаль только, что от таких мощей мужья бегают на сторону... да развлекаются с кухарками.

Петр Николаевич бешено стукнул кулаком по столу.

– Помолчи, Софья Сергеевна!..

– Только вы забываете одно, Петр Николаич... Кабы Ель-

ников зарабатывал с ваше, и Анна завела бы себе штат...
Будьте покойны!..

– Кушать, барин, подала... – заявила горничная, ставя на стол дымящуюся тарелку.

– Да ты, глупая голова, сообрази, кто из нас беднее? Он-ли, получая целиком в дом свои семьдесят пять рублей, или я, получая триста и раздавая в разные руки, да по книжкам чуть не четыреста?.. С дефицитом каждый месяц!

– Полагаю...

– Да что полагать-то?

– Кушать, барин, подано, – напомнила Ольга, опять просовываясь в дверь, за которой она стояла, ожидая конца перебранки, с лукавой усмешкой на миловидном лице.

– Ельниковы никому не должны ни рубля... По одежке протягивают ножки... А мы?.. Женились в долг... плодились в долг... ребят крестили в долг и хоронили их в долг. И сейчас не вылезает из долгов, что ни дальше, то больше... И ноги протянем тоже в долг... Двадцатого распишешься в получении жалованья, а к первому вперед забираешь...

– За то Ельниковы живут по-свински.

– А мы?.. В свое удовольствие?.. Я-то, по крайней мере? Вот я второй месяц сапог не соберусь купить... Зябну в штиблетах... зубы застудил... Скажите, какое удовольствие!..

– А в карты сколько просадил?

– А ты сколько?.. Мне ведь одна радость в жизни оста-

лась... Только за картами и живу... И поворачивается у тебя язык меня подсчитывать?.. Когда я работаю, как битюг...

– Барин!.. кушать пожалуйста!.. Опять все остынет... – отчаянно выкрикнула Ольга, снова появляясь в дверях. «Вот грехи-то... право»...

Супруги оглянулись на горничную и язвительные слова остановились, не слетев с их губ.

V

Петр Николаевич сел обедать.

Софья Сергеевна ушла в спальню, взволнованная, с пятнами на лице. Пора было одеваться, но она об этом позабыла. Она бесцельно и бессознательно брала в руки разные вещицы с туалетного стола, перекладывала их с места на место, подносила к глазам, рассматривая как бы их рисунок или отделку, словно видела в первый раз.

Веки её жгло что-то, и она беспрестанно моргала.

– Это что за подошва?.. – донесся из столовой сердитый голос Иванова. – Ведь это последние зубы сломаешь... Не могли вы разве не засушить мяса?.. Позовите кухарку...

– Вчерашний, барин, – оправдывалась прибежавшая Агафья. – Ноне не готовили, потому – гости вечером... И то разорвамшись с утра... У самой маковой росинки во рту не было...

Хозяин пробурчал что-то в салфетку, очевидно нелестное, по адресу гостей. Он беспомощно тыкал вилкой в остывшее невкусное мясо, пахнувшее салом. Агафья была уже у двери, когда он вдруг вполголоса взмолился:

– Так нет-ли там чего-нибудь, Агафьюшка... Вы мне кусочек подали бы из того, что к вечеру...

– Рази индейки ножку, али крылышко зажарить?..

– Ну да... ну да... кусочек маленький...

Кухарка задумалась на минуту... Она любила доброго ба-рина.

Но Софья Сергеевна уже летела в столовую, с расстегнутым лифом, полная решимости полководца, спасти часть армии и отразить врага с тыла.

– Ты в своем уме, Петр?.. Как же это я ощипанную индейку на стол подам?.. Ведь ее на столе при всех я резать буду... Я за нее три с полтиной отдала. – И севрюжина у меня цельная будет, в блюде... Это совсем невозможно!.. Не хочешь-ли колбасы с языком?.. – смягчилась было она.

Но Иванов уже вскочил и сорвал салфетку.

– К черту!.. К черту!.. С колбасой... с гостями!.. – загремел он. – Провалитесь ко всем дьяволам!.. В тартарары провалитесь... В трактир пойду обедать... Напьюсь, как сапожник...

Его губы тряслись. Глаза прыгали от бешенства.

Он вбежал в гостиную, потом в кабинет и машинально остановился у письменного стола.

Вдруг глаза его расширились и сверкнули. Так и есть!.. Под счетами бумаги лежат спутанные и даже... помятые?.. Ну, скажите, ради Бога!.. И рейсфедера нет... Недаром он смущал Сережку... Сколько раз он выговаривал детям... просил жену!.. Грозил ребят выдрать...

Его точно прорвало:

– Сергей!.. Надежда!.. – заревел он не своим голосом. – Кто взял перо?.. Опять бумаги таскали?.. Опять на столе во-

зились?.. Идите сюда, мерзавцы!.. Говорите, кто брал? Со-знавайтесь!.. Сколько раз... Я вам говорил... не трогать?.. Говорил я вам, что... шкуру с вас спущу?

Он был страшен. От сердцебиения он помертвел как-то в лице и задышался... Хотя он в жизни не тронул детей пальцем, они его побаивались. Дрожа, они стояли перед ним, – старшие впереди, маленькие сзади... А двухлетний любимец Миша с любопытством, открыв пухлый ротик, воззрился бесстрашно в это бешеное, незнакомое сейчас лицо.

Он подходил медленно к детям, с сжатыми кулаками, с искаженным лицом, а они, плача, отступали от дверей.

Софья Сергеевна уже без лифа, с спускающейся с плеч рубашкой, как бомба, упала в комнату и заслонила детей своим большим, красивым телом.

– Я им давала перо... Я и на столе позволяла возиться... Бей меня!.. Если это тебе непременно нужно... Бей! Бей!.. – задорно твердила она.

– Дурища ты этакая!.. – захрипел Петр Николаевич, в бесильной злобе подпрыгивая перед женой. – Ведь эти бумаги – твой хлеб!.. Ведь меня со службы турнут... за неисправность... Ведь мне... ночь теперь всю сидеть за ними, списывать... Видишь?.. Это что?.. Это что?.. Все смято, захватано... Сколько раз я просил доглядеть... не давать?.. Ведь это... неуважение ко мне... Это... это... черт знает что!.. Своего угла нет во всем доме... И спрятаться от этих дьяволят никуда нельзя... О-о!.. – Он схватился за волосы и рва-

нул их так, что искры посыпались из глаз. – Нет! Сил моих нет больше!.. Прощайте, Софья Сергеевна!.. Только вы меня и видели!.. Сидите с своими гостями!.. Обнимайтесь с ними!.. Наслаждайтесь!.. А уж я сбегу на улицу... Черт с вами, со всеми!..

Он скрылся в передней и через минуту за ним хлопнула входная дверь.

Дети плакали. У Софьи Сергеевны дрожали губы. К несчастью, и выплакаться-то было нельзя. Жур-фикс... Начало седьмого. В семь начнут съезжаться.

С видом жертвы она одевалась. Но, с свойственным человеку стремлением сорвать зло и найти виноватого, она кликнула няньку вытереть под носиками у детей, умыть и приодеть их, с помощью Фроськи – кстати задала обоим головоймойку. Почему за детьми не глядят?.. На кухне – вечные гости и чаепитие... Она этого дольше не потерпит... Нельзя получать восемь рублей самой и все валить на Фроську... Надо-ж совесть иметь!

Нянька, избалованная и жадная на подачки, дерзко возражала, что отказывается глядеть за «охальником» Сережей...

– Вы уж ему гувернантку наймите... А моих сил нет!.. Шутка сказать!.. Одиннадцать лет мальчонке...

– Не ваше дело... Вы меня не смеете учить...

– Он чуть что, в морду норовит... А станешь говорить: «папеньке пожалуюсь»... «жалуйся»... кричит... Известно маменька – заступница...

– Ступай вон!.. – довольно сдержанно заметила хозяйка, во время вспомнив, что она задолжала няньке, без ведома мужа, около сорока рублей. Нянька вышла, хлопнув дверью, и долго ворчала на кухне и бушевала в детской, грозя потребовать расчета. На это Сережа показывал ей язык и потихоньку говорил неприличные слова, подслушанные на кухне и на бульваре...

На душе у Софьи Сергеевны сосало. Где-то теперь Петр? Бешеный он, правда, но отходчив... Авось вернется к семи!.. Наконец, она вышла в столовую, где под ярким светом ви- сячей лампы, на ослепительно-чистой, дорогой скатерти, на убранном к чаю столе красовался сервиз... новый сервиз!..

Сердце Софьи Сергеевны расширилось от прилива радости. Она опять почувствовала настроение полководца, который перед генеральным сражением делает смотр всем частям... Ну-с, Анна Денисовна!.. Теперь держитесь!..

VI

Звонок раздавался за звонком.

Мужчины входили, отирая мокрые усы и пофыркивая.

– Ну, погодка!.. – раздавались восклицания.

Передняя и гостиная были полны холода.

– А где же хозяин?.. – спрашивали все.

– Задержали в правлении... сейчас вернется... – неизменно отвечала хозяйка.

– До сих пор еще в правлении?.. Вот так фунт!..

Все это скользило помимо сознания Софьи Сергеевны.

Душа её была охвачена воинственным жаром, как всегда в дни «фиксов,» – настроение было самое повышенное.

Она сияла, председательствуя за огромным, но красивым никелированным самоваром, бросая сверкающие взгляды на нежный хрусталь, переливавший под огнем всеми цветами, на кузнецовскую вазочку с «вареньем-сюрпризом»...

– Как жаль бедного Петра Николаича!.. искренно шепнула Михайлова, – подруга Ивановой по институту. – Неужели нельзя меньше работать?.. Ведь он надорвется...

– Еще что придумай!.. У всех так, Оля...

– Отчего он в Крым не поехал осенью?.. Ведь, кажется, собирался?..

– Куда тут уедешь от трех должностей?.. Да и на какие капиталы?.. хладнокровно возразила Софья Сергеевна, разли-

вая чай. – Тебе с сахаром?

– Без... Мерсі, душечка!..

– Мы ездили на дачу в Листвянах... Петр по субботам приезжал и праздники проводил с нами.

– Знаю, да... Он за лето – говорил – еще больше устает...

В Москве такая гадость!..

– А туда далеко... Что делать, милая! Детям нужен воздух... Тетя, передайте, пожалуйста, стаканы на тот конец стола...

– Разве нельзя было бы поближе?... робко спросила Михайлова, – чтоб и он жил на даче?

– Нельзя... Ближе тридцати-сорока верст от Москвы нельзя жить... Все заражено... Доктора говорят... Да он и сам так устает, что его в будни калачом не заманишь из Москвы... Ведь Листвяны – не рукой подать... Он как-то поездил, да и скаялся... Тут столуется у знакомых одних... Это удобнее...

Михайлова тихонько вздохнула и кинула влюбленный взгляд на своего мужа, красивого, но болезненного, с женственным типом лица. Он получал только пятьдесят рублей в конторе. Остальные полтора ста, нужные для жизни, она зарабатывала сама переводами и уроками музыки. Но она не жаловалась... О нет!.. Она безумно любила мужа... Он такой безвольный, бедняжка!.. Такой неврастеник... Все лечится, так боится жизни и её страданий... У него в семье – все ипохондрики... Михайлова привыкла скрывать собствен-

ную усталость и умалчивать о переживаемых неприятностях; привыкла думать за двух, страдать за двух, бороться одной, отстраняя от мужа мелочи жизни, украдкой отирая слезы, когда вспоминались ей её мертвые малютки, рожденные измученной матерью и захиревшие среди нужды. На преждевременно увядшем, но и сейчас миловидном личике Михайловой лежала тень неизгладимой печали. И это был её отдых. Тяжело было всегда ломать себя, делать при муже веселое лицо, находить бодрые нотки в голосе... Михайлова никогда не забывала, что муж её когда-то имел богатую, влюбленную невесту, мог жить беспечно, – но сам выбрал ее, – бесприданницу... Она считала, что обязана работать, ведь доверял же он её энергии и талантам, начиная эту страшную трудовую жизнь!..

Миросозерцание Софьи Сергеевны было ей чуждо.

– А разве нельзя как-нибудь иначе?.. – тихо спрашивала она, под шумок разговоров, звеня ложечкой в своей чашке. – Три должности!.. Это ужасно...

– А как же иначе, милая? у нас дети... Не надо было жениться... а теперь поздно рассуждать!.. Не все такие лежебоки, как твой Павлик...

Михайлова вспыхнула и укоризненно поглядела на хозяйку. В такие минуты она ее ненавидела и давала себе слово никогда сюда не ходить...

Петр Николаевич подымался по лестнице и на площадке увидел звонившего Ельникова, мужа его сестры Анны.

Они вошли вместе.

– Ну что, как сестра?... Я все не выберусь...

– Да что?.. За греческий засела...

– Да ну? Неужели учится?

– Ей-Богу...

Ельников у зеркала расправил свою густую бороду и маленькой гребеночкой пригладил роскошную, волнистую шевелюру.

– Ведь Миша в третий перешел, а там греческий... На латыни-то она вот как насобачилась!.. А теперь зубрит день и ночь...

Петр Николаевич, вешая шубу, выразительно покачал головой.

– Святая женщина!.. Что говорить!.. – как-то вкусно причмокнув и делая серьезную мину, заявил Ельников и, выпрямив статную фигуру, замотал головой и поправил чуть съехавший галстук. Глаза его, увидавшие в гостинной оборки женских юбок, как-то особенно сузились и блеснули.

– «Скотина», – подумал Петр Николаевич, враждебно косясь на эту сильную грудь и широкия плечи. – «Нужны тебе святые!.. Небось сейчас вот этими самыми пухлыми, красными губами целовал какую-нибудь швейку с бульвара... Не брезглив, голубчик...»

Хозяина встретили радостными восклицаниями. Мужчины усадили его на другой конец стола.

– Я тебе с ромом налью, Петр Николаевич, – сказала ему

жена.

Софья Сергеевна была единственной женщиной, за которой Ельников не ухаживал. Он не прощал ей враждебности к его жене, которую он все-таки любил по-своему. Поздоровались они холодно и Софья Сергеевна только из вежливости спросила, с чуть заметной иронией:

– Ну что Анна? Как?

– Да ничего, благодарю вас!.. Кланяться просила, – тоже из вежливости добавил Ельников, с утра не выдавший свою Анну.

У Иванова был такой убитый и болезненный вид, он был такой жалкий, – что Михайлова не удержалась и с участием спросила его:

– Что с вами?.. Петр Николаевич, на вас лица нет?..

– Знобит что-то, – криво улыбнулся он. – Это право пустяки, милая Ольга Павловна.

– Инфлюенца?..

– Нет, просто флюс...

– Ну, смотрите!..

Она отошла сумрачная и что-то шепнула хозяйке.

Та побледнела и нахмурилась.

– Тьфу!.. Тьфу!.. Этакие глупости говоришь... Еще на-кличь беду...

– Я бы на твоём месте разогнала гостей, да послала бы за доктором.

Софья Сергеевна с беспокойством и любовью поглядела

на мужа.

Действительно, вид скверный... Но ведь упрямство – ослиное!.. Создается тогда, когда в сущности останется за попом только посылать... У них всегда так... Чувство досады взяло перевес над нежностью.

Кто-то зазвонил и в ту же минуту Сережа и Надя вбежали с взволнованными лицами.

– Анна Денисовна приехала!.. – громким полусшепотом объявили они матери.

Софья Сергеевна бросила разливать чай, выпрямилась и пошла в переднюю.

Этой чести она никому не оказывала.

– Ишь, как на задних лапках пляшет!.. – съехидничала Евтихьева, пожилая супруга одного чиновника, наклоняясь к плечу соседки.

– Нельзя же!.. – усмехнулась та. – Веть третье-то место Иванов через мужа Анны Денисовны получил... Надо ценить!

Иванов в передней уже снимал с гостыи ценную черно-бурю ротонду. Анна Денисовна, гремя шелковым платьем, заняла за столом почетное место. При её входе, все как будто умолкли, словно смутились, – такова сила кармана, – и поклонились ей почтительно, хотя все терпеть ее не могли за её ограниченность и надменность.

Это была большая и красивая женщина, которую портили черные заметные усы и излишняя краснота в лице.

Она была очень скупа, практична и сама управляла двумя домами, которые ей подарил муж, благоговевший перед нею. В сущности, она была очень недалеко и совершенно неразвита. Но почему-то ее все считали за умную женщину. Богатство и наглость импонировали всем. Снисходительным кивком поздоровалась она с присутствующими, никому не подавая руки. Многие из дам еще сохранили на лице деланно-умильную улыбку, которая при этой невежливости постепенно таяла, превращаясь в растерянно жалкую гримасу и, наконец, в озабоченно-злую мину. Все усердно занялись своими чашками и сухарницей, между тем как Анна Денисовна дерзко шурилась на дам, делая вид, что встречает их в первый раз.

Она находила втайне такое поведение верхом светского шика.

Муж её, инженер Халчев, человек неглупый, практичный и с большими связями, казался много добродушнее своей жены. В действительности, это был ловкий и беззастенчивый делец, – такой же громадный, тучный и красный, как жена его, с жирным лицом, толстыми веками, хитрыми глазами и короткими, как бы обрубленными пальцами.

Лошадей они по скупости не держали и ездили в гости на двух извозчиках, так как вдвоем весили около пятнадцати пудов и рядом не уселись бы...

Детей у них не было. Оба они страстно любили винт, любили покушать и любили копить. В театры они не ездили и

ничего не читали.

Все были в сборе.

Хозяин в гостиной расставлял три стола, готовил подсвечники, мелки и карты, когда раздался еще звонок, – нервный, резкий, на весь дом.

– Ах, Боже мой!.. – нервно сказала Анна Денисовна и томно зажала уши, оттопыривая мизинцы. – Руки её были унизаны кольцами. Украшения и драгоценности вообще она любила, как дикарка.

– Это наверное Семенова, – виновато улыбаясь пояснила хозяйка. – Ей все некогда... Она звонит-то, словно на пожар спешит... Чудная...

– Такая необразованность!..

– Помилуйте, – вступилась Михайлова. – Я никого не встречала образованнее Семеновой... даже между мужчинами...

Но Халчева только скользнула по ней взглядом и обернулась к хозяйке.

– Отчего вы не велите подвязать колокольчик, Софья Сергеевна?.. У меня в домах все электрические... Это так удобно...

– А что ваши нервы, Анна, Денисовна?.. – умильно спросила тетушка.

Инженерша величественно поглядела на старушку и кивнула ей одними бровями. Все знали слабость инженерши считать себя болезненной и сырой женщиной. Она днями ва-

лялась на кушетке и жаловалась на мигрени. Быть здоровой казалось ей неаристократичным.

В гостиной уже звучал раскатистый смех этой вечно-бодрой и веселой Семеновой.

Она вошла в столовую, подставила щеку хозяйке и, здороваясь с гостями, энергично трясла всем руки.

Это была девушка лет сорока, некрасивая, худощавая, необыкновенно подвижная и нервная. Одета она была, пожалуй, даже по последней моде, но с рассчитанной эксцентричностью. Лиф её платья походил на фрак, с белым пикейным жилетом, крахмальным воротничком, манжетами и мужским черным галстуком. На голове, с греческим узлом темных волос, была круглая, войлочная, совсем мужская шапка. Но все это было безукоризненно, – чисто и изящно.

Анне Денисовне она только кивнула головой, и та ответила ей умышленно небрежно. Всем стало смешно.

Обоюдная антипатия этих обеих женщин ни для кого не была тайной.

Семенова села рядом с Михайловой.

– Неужели вы только сейчас из конторы? – удивилась та.

– А, конечно!.. Как всегда, с девяти до семи. Только и успела пообедать...

– Даром двух тысяч платить не будут, – вставила Евтихьева, которая сама во всю жизнь не заработала рубля, но не могла простить Семеновой её заработка, действительно редкого для женщины.

– Ах, хозяйюшка милая!.. Дай чаю поскорее... Пересохло в горле, – сказала Семенова громко, потом нагнулась к Софье Сергеевне, и глаза её весело блеснули в сторону Халчевых.

– Две кариатиды налицо!.. Стало быть жур-фикс в полном ходу, и все как надо быть?..

– Почему кариатиды?..

Софья Сергеевна чуть-чуть нахмурилась. Она не любила, чтоб вышучивали её приемы.

Семенова служила бухгалтером и иностранным корреспондентом при одном крупном торговом доме. Жила она с братом-учителем, тоже холостяком, каждый год брала двухмесячный отпуск и ездила за границу, чаще всего в Норвегию. Она в подлиннике прочла Лефлер, и Альгрэна, и Стриндберга, и Ионаса Ли. Ибсен был её настольной книгой. Теперь она изучала испанский язык, находя в этом источник неувядаемых наслаждений. Европу она знала, как у нас немногие знают Россию.

За политикой она следила с волнением и страстностью, и свои политические убеждения отстаивала красноречиво и пылко. На интересной лекции, на ученом заседании всегда можно было встретить её сухую, но изящную фигурку, её насмешливое лицо с длинным носом и полными жизни глазами. Интересовалась она всеми явлениями общественной жизни, но относилась к ним неизменно, как двадцать лет назад, когда сама была на курсах и подносила адрес Некрасову.

Москву она не любила. Это Азия, – говорила она, – здесь

даже оперы порядочной нет... Но, любя страстно музыку, она не пропускала ни одного симфонического собрания.

Когда-то у неё были женихи, но она по принципу не вышла замуж, слишком дорожа своей независимостью. У неё не было увлечений. Она смеялась зло и беспощадно над «неотразимостью» мужчин и над «женственностью» прекрасного пола. Мужчины уважали Семенову, хотя за спиной подсмеивались над «безполым существом», как она себя величала... Дамы же все поголовно, за редкими исключениями, ненавидели Семенову за её умственное превосходство и за безапелляционный тон, которым она изрекала свои афоризмы. Она, действительно, имела слабость считать свои мнения непогрешимыми. Язык у Сееновой был бабий и она любила поговорить. Выражалась она книжно, память имела изумительную и свою речь пересыпала цитатами. Увидав человека в первый раз и желая его «разглядеть», либо совратить в свою веру, она накидывалась на него, тормошила, вовлекая в интересный спор, сама лезла на стену, доказывая ему его заблуждения и собственную свою правоту и часто доводила собеседника до отчаяния.

– Ну, задала баню!.. – говорил он знакомым, отирая вспотевшее лицо. – Что за фигура? Батюшки мои! Откуда она взялась?

И в другой раз, увидав издали кончик длинного сухого носа Сееновой, он спешил куда-нибудь скрыться.

С Софьей Сергеевной Семенова была дружна, еще с дет-

ства. Потом, через двадцать слишком лет, они встретились, живя в одном и том же переулке. А с тех пор, как Лизавета Антоновна самоотверженно отходила ребят Софьи Сергеевны от дифтерита, рискуя собственной жизнью, и оказала им много услуг – Ивановы в ней души не чаяли и прощали ей все её бестактности.

VII

Хозяйка разливала чай.

– Варенье, господа!.. Кому варенья?.. Здесь пять сортов...

У Нади и Сереги, торчавших за стулом матери, запрыгали глазенки.

«Вот он сюрприз-то!..»

Торжественная минута наотала.

Сердце Софьи Сергеевны громко застучало под тугим корсетом. Она спряталась за самовар, но лицо её, покрывшееся пятнами, выдало её волнение.

Кто-то из дам попробовал из кузнецовской вазочки и ахнул.

– Что это за прелесть! Софья Сергеевна! Что это за роскошь?.. Ах!.. Я ничего не разберу.

– Отгадайте, – сдавленным голосом молвила хозяйка.

У детей щечки так и пылали.

– Позвольте мне, пожалуйста, – строго сказала Анна Денисовна, с неудовольствием заметившая, что блюдечки у них теперь одинаковые.

– Обезьяна! – с досадой подумала она.

Две руки протянулись с разных сторон, чтоб передать инженерше вазочку.

– И мне позвольте!..

– И мне...

Все тянулись к новой вазочке, с новыми блюдечками в руках.

Дети, красные как пионы, подталкивали друг друга локтями.

– Действительно, что-то необыкновенное, – величественно согласилась Анна Денисовна.

Все жевали ягоды, смаковали, блуждая глазами, с неопределенной улыбкой на лицах.

Увлечлись и мужчины.

– С виду как будто крыжовник, – глубокомысленно начал Халчев.

– А внутри апельсиновая корка!.. – крикнул Сережа, не утерпев.

И вдруг, сконфузившись, но все же чувствуя необыкновенное облегчение, он присел за стулом матери на корточках.

– Н-ну, матушка!.. Удивила ты мир!.. – засмеялась тетушка. – Уж на что я лакомка, а отродясь такой диковинки не едала...

Анна Денисовна начала сердиться и багроветь.

А Семенова хохотала, взявшись рукой за левый бок и качаясь на своем стуле.

– Чему вы?.. – невольно рассмеялась и Михайлова, глядя на нее.

– Ох, уморила!.. Геркулес-то... Геркулес. Ха!.. Ха!..Ха!..

– Что такое?

У всех лица раздвигались в улыбку. Одна инженерша была мрачна и неподвижна, как надгробное изваяние.

Семенова вынула батистовый платок и вытерла углы влажных глаз.

– Исполать тебе, Софья Сергеевна, – воскликнула она и хлопнула хозяйку по руке. – Ты Геркулеса посрамила...

– Какого Геркулеса? – сердито крикнула Евтихьева с другого конца стола...

– А помните, сколько ему работы царь Авгий задал?

– Царь?.. Отродясь о таком не слыхала... – сознавалась чиновница, вспомнившая в эту минуту о рекламе новой крупы (Геркулес).

– О, Господи!.. Ха!.. Ха!.. Помните? конюшни вычистить? они у него были запущены.

– По московски? – подмигнул Ельников, остановившийся в дверях.

Семенова обернулась и махнула на него рукой.

– Ну, с конюшнями-то он справился, а перед твоим подвигом, Софья Сергеевна, спасовал бы. Сколько фунтов-то?

– Четыре, победно заявила Софья Сергеевна, перегибаясь из-за самовара. Лицо её теперь пылало.

Семенова отмахнулась и опять залилась смехом, откидываясь на спинку стула.

– Нет, вы не можете себе представить, какая это работа! – говорила хозяйка через стол с Евтихьевой, минуя Анну Денисовну. – Каждую ягодку, вычистить... потом ее цедрой

апельсинной начинить... Вы понимаете?

– Что говорить!.. Ну-ка, еще позвольте...

– И все сама... Доверить ведь никому нельзя... Какая же это будет чистота? А тут каждую ягоду своими руками... Целую неделю работала... измучилась... Верите-ли?.. Всю спину разломило... Позвольте ваше блюдо!..

– Мученица ты моя! – залилась опять Семенова. – Какой же у тебя сладкий подвиг!..

Она обернулась к Михайловой, которой давно симпатизировала.

– Нет, энергии-то сколько, Ольга Павловна!

– И досуга! – тихонько улыбаясь, подсказала та.

– Вот именно! Голубушка Ольга Павловна! Хоть бы у нас с вами раз в году столько досуга нашлось, чтоб фунтик ягод вычистить... Как это было бы приятно!..

– Чудная!.. Да ведь это летом, небось, было!.. – напомнила хозяйка.

– А по твоему, конторы летом закрыты?

– И у меня летом уроки... (И слава Богу, что есть. По крайней мере дети на даче) – подумала Михайлова. – А если б и был досуг, – начала она вслух.

– Она бы за книгу схватилась, – докончил за жену Михайлов. – Все жалуется, что читать некогда.

– Я-то бы уж, конечно, и летом на такой подвиг не пошла, – пошутила Семенова. – Стоит жизнь убивать на такой вздор?

Софья Сергеевна обиделась. Ее унижали перед Анной Денисовной.

– И вот на что уходят силы, лучшие силы женщин, – напыщенно изрек Ельников и прыснул в бороду.

Хозяйка кинула на него сверкающий взгляд и обернулась к Семеновой.

– Ты, Лизавета Антоновна, кажется воображаешь, что одно твое конторское дело важно и трудно? А семья, это пустяки?.. Попробовала бы ты быть на моем месте!

– Оборони меня, Боже! – отшутилась Семенова.

– День деньской на ногах, – кипятилась Софья Сергеевна, усиливая свое контральто, чтобы покрыть голоса мужчин, споривших с Ивановым о чем-то, – управляться с детьми, с такой оравой прислуги.

– С такой оравой гостей, – вставила под шумок Семенова.

– Обо всем думать... о всех заботиться... чтобы все сыты были, одеты, обуты... Чтобы чистота... Разве на прислугу можно полагаться? Вот я прихварывала недавно... недели две цветов не глядела... Так их так запустили!.. Пришлось каждый листик вычищать самой... Два дня, не разгибаясь, за ними сидела.

– О, Господи!.. Ну, скажи... Стоит-ли жизнь убивать на такие мелочи?

– Как, Лиза, мелочи?.. И это мелочи?.. И цветы, и варенье? Ничего, значит, не нужно?

– Ей-Богу, не пойму никогда, зачем загромождать себе

жизнь таким бесцельным, а главное скучным «делом»? Коли такая возня с цветами, не держи их!..

– А варенье-то кто же за нас будет варить!.. – не стерпела Анна Денисовна.

Все оглянулись на нее. От гнева она была пунцовая.

– Или вы забыли, что в лавке оно стоит полтинник фунт?.. А нам обходится в двадцать три, двадцать пять копеек?..

– Это мне решительно все равно... Я сладкого не ем и нахожу, что прожить без варенья легко...

– Вам легко! – загремела инженерша. – Зачем же вы навязываете всем ваши вкусы? Если я не могу пить чай без варенья?

– Ну, так и не жалуйтесь на судьбу!.. Я вот люблю за границу ездить и не жалуясь, что для этого приходится в конторе сидеть чуть не полсуток...

– Вы не замужем и не знаете, что значит вести дом, – надменно напомнила Анна Денисовна.

– Даже два... Но если это так трудно и неприятно, почему вы управляющего не возьмете?.. Наверно лучше вас дело вел бы... Вникал бы в интересы жильцов... Вон они жалуются, что вы ремонта никакого не производите... А вы у лишнего бедняка кусок хлеба не отымали бы...

Анна Денисовна так растерялась, что заморгала веками, задохнулась и несколько раз беззвучно открыла и закрыла рот, как это делает рыба, вынутая из воды.

– Какова нахалка! – сказала она, наконец, соседке доволь-

но громко.

Софья Сергеевна, возбужденная присутствием мужа при таком щекотливом споре и вдохновенная воспоминанием об его упреках, совсем позабыла в эту минуту, что становится союзницей Анны Денисовны против этой зубастой, милой Лизаветы...

– Я так уверена, – вмешалась она, бесцельно вытирая расшитым полотенцем совсем чистую чашку, – что если бы тебя запречь в эту семейную лямку и наполнить твою жизнь возней с детьми и дразгами с прислугой, то ты сбежала бы через месяц в свою контору... потому что твое дело легче!

– Что и говорить! – подхватила Евтихьева. – Одна пустяковина, больше ничего!..

– И бесспорно легче!.. Но ведь я потому и замуж не вышла... А вот на вас всех я дивлюсь... Ведь вы отлично на матерях и сестрах... на всех кругом видели эту... лямку. Чего-же вы для себя ждали?.. Кто гнал вас замуж?

– Остаться Христовой невестой?.. Вековушей?.. Покорно вас благодарим! – грубо усмехнулась инженерша.

Михайлова изумлено поглядела на нее.

– Ну – дамы! казалось, говорило её кроткое лицо. – Что за дикость нравов в нашем обществе!.. В глаза высказывать такие вещи?.. А наверно Анна Денисовна тоже где-нибудь да воспитывалась...

Семенова, однако, не обиделась. Либо она очень презирала Халчеву, либо вообще привыкла к грубостям дам.

– Вот я себя превосходно чувствую в положении Христовой невесты, – подхватила она вполне невозмутимо. – Что вы тут видите постыдного, Анна Денисовна?.. Прошло это время.

– Как это прошло? Никто замуж, что-ли, не выходит?

– Несравненно меньший процент выходит, чем тридцать лет назад...

– Молодежь поумнела, – вмешался Петр Николаевич.

– Просто жизнь осложнилась... Полноте!.. – Семенова махнула на хозяина рукой. – Ничего не поумнела... Самый выдающийся радикальный деятель все-таки, если покопаться в его душе, – окажется буржуа... Его идеал – своя жена, свой домик, деточки, дачка своя, куры да коровки и т. д... И стоит ему только опереться и стать на ноги, как уж он спешит осуществить этот мещанский идеал... Нет!.. Просто жизнь стала дорога, борьба за блага жизни слишком интенсивна... Семья становится не по карману прихотью...

– Ты хочешь сказать – необходимостью?.. – внушительно поправила Софья Сергеевна.

– Вздор какой!.. – рассмеялась Семенова, меж тем, как пальцы её нервно мяли какую-то розовую стружку из теста.

– Да разве ты, женщина?.. – улыбнулась Софья Сергеевна. – Ты чиновник...

– Пусть! Чиновник, машина в течение дня... согласна... – продолжала Семенова, в руках которой стружка уже утратила всякую форму. – Я ведь всегда говорила, что приро-

да ошиблась, создав меня женщиной... Но видите ли, господа... Отработав известное количество часов, я прихожу домой, отдохнуть... И никто не смеет мешать моему покою... Хочу я развлечься, выехать; все к моим услугам... Я не завишу ни от больного ребенка, ни от грубой прислуги, ни от супружеских капризов. А главное, главное, я не завишу ни от чьего кармана... Все заработала сама и никому отчета!..

– Что правда, то правда, – вмешалась Евтихьева и протянула хозяйке свою чашку. – Без сахара, пожалуйста... Нонче все прислуги пьяницы... И что только терпишь от них!.. Поверите, чуть не каждый день без обеда сидим...

– А зачем же вы все такие барыни?.. И ставите себя в такую зависимость от прислуги?... Вот за границей этого нет... Почему не научиться всему?.. И не делать самой при надобности?..

– Я летом прогнала кухарку и целую неделю готовила сама... – объявила победно хозяйка.

– Хорошо вам Бог дал здоровья, – гневно воскликнула инженерша. – И вообще это издали так легко, кажется... А как это у плиты стоять с мигренями?

– Анна Денисовна... Это от досуга и сидячей жизни... Могу вас заверить... Знаете, чем вылечился один мой знакомый доктор от мигреней?.. Он сам каждый день дрова колот...

Инженерша задохнулась от гнева. Если бы людские взоры могли испепелять, то бедной Семеновой пришлось бы пло-

хо. Но в эту роковую минуту Петр Николаевич подскочил к Анне Денисовне и предложил калачиком руку.

– Пожалуйста карту вынимать!.. Не задерживайте...

Мужчины наскоро вытирали усы, кланялись хозяйке и спешили к столам, где уже горели свечи.

– Смотри ты у меня!.. Не вздумай по сороковой садиться!.. – шепнула Евтихьева мужу, которому выдавала деньги на винт. Все знали, что дома за проигрыш жена его пилит по неделям.

VIII

В столовой остались одни дамы.

– Что ни говори, жизнь семейная имеет свои хорошие стороны, – начала Софья Сергеевна, подвигая к себе пустые стаканы.

Семенова, задумавшаяся да секунду и проглотившая совсем остывший чай, – теперь подняла голову.

– А именно? Быть всегда «чужой», зависеть от цветов, варенья, прислуги, от детей, мужа, гостей, наконец?.. Представь! Муж любит свиные котлеты, а ты их в рот не берешь?.. Или ты любишь телятину, а у него желудок её не варит?.. Что-ж? Два обеда готовить? Или сидеть впроголодь?

– Вот еще!.. Два обеда!.. – возмутилась Евтихьева. – Разве это возможно?

– Положим, это все мелочи!..

– Да, позвольте, из чего, как не из мелочей, состоит вся наша семейная жизнь? Да и во всем так... Муж спит после обеда... А вам хочется на рояле играть! Вы не можете спать при огне, а он любит на сон грядущий в постели почитать?.. Он во сне храпит, а у вас от этого бессонница?.. И так во всем... Значит, нужны две спальни?.. Положим, по-моему – непременно две...

Софья Сергеевна замахала руками.

– Ах, Лиза, ты совсем не от мира сего!.. Только богатые

люди могут позволять себе такие прихоти...

– Ах, право, это такие пустяки, – начала было Михайлова мирным тоном.

– Ну нет, господа!.. Какие пустяки!.. Привычка – вторая натура... Это не даром сказано... А у каждого из нас есть свои... Приходится, стало быть, во избежание ссор, всегда уступать мужу?..

– Почему же мы должны уступать?.. крикнула Анна Денисовна из гостиной.

Все рассмеялись.

– Анна Денисовна... Три без козыря... – отчаянно воскликнул хозяин, опасавшийся новой схватки.

– Да, вы правы, Анна Денисовна!.. Уступать не зачем.

– Когда любишь, это так легко, – задумчиво сказала Михайлова.

Семенова пожала плечами.

– Ну кому как!.. Я так представить себе не могу, как соглашаются люди, не потеряв рассудка, добровольно лезть в такое положение, где ты неминуемо становишься либо деспотом, либо рабом. В браке, какие бы хорошие люди ни сошлись, одна сторона всегда поневоле должна нести жертвы и постепенно обезличиваться... Чья индивидуальность сильнее, тот и торжествует...

– И даже не так, – вмешалась старушка-тетушка. – Просто кто эгоистичнее и грубее, тот и верховодит...

– Это правда... – зазвучало глубокое контральто хозяйки,

болезненно вспомнившей несправедливые нападки мужа.

Вдруг из гостиной донеслась неожиданная реплика Петра Николаевича.

– А так как женщина всегда не деликатна и эгоистична – по своей натуре и по недостатку развития...

– Ваш ход, – внушительно напоминала инженерша.

Софья Сергеевна гремела перемытой посудой, ставя ее на поднос.

– Хорошо, что вы замуж не вышли, барышня, – сказала Евтихьева, враждебно щурясь на худенькое лицо Семеновой. – Плохо досталось бы вашему мужу!..

– Беда!.. – расхохоталась та. – Я и представить себе не могу, что я стала бы с ним делать. Из конторы вернусь, пообещаю, а там уж и в театр спешить надо, либо на заседание... А он причем?.. Ха!.. ха!.. Он спать заляжет, а я за работу сяду, либо читать... Я ведь до четырех иногда читаю... и сплю страшно мало... Нам и говорить-то некогда было бы!.. На что мне муж? Полноте!.. – Она подвинула свою чашку к хозяйке. – Нет ли еще чайку, голубчик?..

– Ты забываешь, Лиза, что тебе замужем не пришлось бы уже работать весь день, – напомнила Софья Сергеевна, вешая через плечо сырое полотенце и беря в руки поднос с посудой.

Семенова даже вскочила.

– То есть, как это не нужно?..

Хозяйка, улыбаясь, проплыла своей величавой поступью

к буфету...

– Очень просто, Лиза... Муж обязан заработать...

Она оставила поднос на выдвинутую доску и с любовью бережно начала убирать на полки новый сервиз.

– А я?..

Семенова ударила себя в грудь рукою. Глаза её сверкнули и, голос дрогнул.

– А ты сиди дома и веди хозяйство...

– Да!.. торжественно подхватила Евтихьева, – дома сидите!..

– Чтоб я ему на шею села? Чтоб у него на извозчиков, на башмаки... на марки... на нищих деньги просила?

– У всех так, милая!..

– Ни-ни... ни... ни... ни!..

Семенова зажала уши и затрясла головой. Вся её нервная фигура трепетала от страстного волнения.

– Хоть убейте меня... не пойму!.. Не согласна я В такое рабство попадать... Нет!.. Нет!.. Это унижительно... позорно... Наконец, это даже недостойно, нечестно...

– Что-о?..

Евтихьева глаза выкатила.

Софья Сергеевна раздражительно поправила сползавшее с плеча чайное полотенце.

– Когда есть образование, здоровье... досуг? По какому праву сесть на шею кому бы то ни было?.. Быть паразитом?.. Видеть, как бьется любимый человек, хиреет, теряет здоро-

вье, наконец?.. О, какая несправедливость!.. Какая слепая жестокость!..

Михайлова, вся просияв, протянула руку Семеновой.

– О, как я вас понимаю, Лизавета Антоновна!

Та крепко пожалала руку молодой женщины, но поглядела на нее удивленно, словно спросонья. Она была так полна собственными мыслями, что не умела проникнуться чужим настроением.

Софья Сергеевна презрительно скривила губы.

– Ну!.. Понесла опять свою ерунду о женском вопросе.

– Это уж не женский, выходят, а мужской вопрос, – съехидничал Ельников. – Четыре черви... Пасс...

– Пасс...

– Вот подожди, Лизавета Антоновна, как старость придет... уж недалеко это время... И останешься ты одинокая и никому ненужная, с ревматизмами, печеночными коликами и тому подобными удовольствиями. В клинику умирать приедешь... По крайности, – продолжала Софья Сергеевна, гремя у буфета десертными ножами и тарелочками, – мы, замужняя, можем сказать про себя, что жили... хорошо ли, плохо ли, да жили... любили, радовались на детей...

– Хоронили их, – подсказала Семенова.

Бледное личико Михайловой дрогнуло от неожиданной боли воспоминаний.

– Пусть и страдали даже, – согласилась хозяйка, возвращаясь к столу, и с усилием поставила перед гостями хру-

стальную вазу с фруктами. – Все-таки мы знали и тени, и свет, и изнанку, и казовую сторону жизни... А вы что?.. В конторе костяшками простучали до старости?.. Эдакая сладость, подумаешь!..

Все потянулись за фруктами, кроме Семеновой, которая слушала жадно и напряженно, как будто защищала дело в суде.

– А какая сладость плодить детей?.. И за это страдать?.. Платить за это здоровьем... зачастую жизнью? И все это за стол, квартиру... и за право жить без труда...

– Не нами началось, не нами и кончится, – изрекла Евтихьева, поедая с аппетитом холодный виноград...

– Волков бояться, Лиза, в лес не ходить...

– В толк не возьму, зачем вы туда ходите?.. – крикнула Семенова и вдруг рассмеялась.

Софья Сергеевна понесла вазу в гостиную к винтерам и реплики подать не успела.

– А как же по-вашему поступать, когда полюбишь?.. – спросила Михайлова, придвигаясь и кладя локти на стол. её маленькие ушки разгорелись от волнения. На щеках выступил слабый румянец. – Вы, Лизавета Антоновна, рассуждаете так, как будто совсем нет любви, разрушающей все эти гордые теории и мудрые планы.

– Ах, какой вздор!

– Что вздор?.. Любовь?..

– Ну уж это вы рисуетесь... Полноте!.. досадливо замети-

ла тетушка, два раза бывшая замужем и уходившая от обоих мужей к поклонникам.

Семенова знала наперед, какой эффект произведет её фраза и поглядывала на всех с саркастической усмешкой.

Софья Сергеевна вернулась и села чистить мандарин.

– Ну уж тут вы ее не переговорите, – усмехнулась она. – Любовь – это тоже её конек...

– Ведь не можете же вы отрицать любовь, даже если сами ее не испытали?.. страстно настаивала Михайлова.

– Да, я её не испытала...

– Ты – нравственный урод, Лизочка... Это давно решено... На тебе мандарин!.. Кушай!..

– И вовсе не урод... Почему непременно урод?.. Разве я одна такая?.. Разве мало холостяков, никогда не переживавших этой горячки?.. Этого безумия?.. Наконец, господа, что называть любовью?..

– Эта становится интересным, – сказал Ельников из гостинной и насторожился весь, как военная лошадь, услышавшая музыку.

– А вы все-таки сбросьте бубну-то, – напомнил ему партнер.

– Я признаю любовь, как одну из потребностей жизни, – начала Семенова.

– Высшую...

– Главную, – крикнула тетушка и ударила кулачком по столу.

– О нет!.. Так как без неё обходится подавляющий процент девушек... А попробуйте-ка обойтись без пищи и воздуха!..

– Только эти иллюзии придают жизни красоту и ценность! – печально заметила Михайлова.

– Нет, Ольга Павловна, – сознание своей свободы и силы имеет не меньшую красоту!.. Вся беда в нашем романтическом воспитании... Отчего для мужчины любовь всегда на втором плане?.. На первом дело его, служение идее... карьера?.. А у женщин – в любви все... Изменили ей, охладели к ней, бросили – и жизнь разбита... И наступает банкротство... И сколько миллионов женских жизней, сколько сил приносится в жертву этому Молоху!.. Не обидно ли это?.. Не возмутительно ли?

– Так было и будет всегда, Лиза...

Семенова так и подскочила.

– Кто-ж это тебе сказал?.. Или ты думаешь, что жизнь что-то неподвижное и неизблемое?.. Слава Богу! Идеалы изнашиваются, как платье... идеи умирают, как люди... Три тысячи лет назад этой легенды о вечной и романтической любви не было и в помине... А через сто лет её опять не будет...

– Чего же вы теперь так, pardon, раскудахтались?..

– Нахлынет новая волна... и смоем бесследно все, чем вы жили... И пусть будет так!.. И да здравствует будущее без иллюзий...

– Ха!.. Ха!.. – заливалась хозяйка, откинувшись в кресле

и бесцеремонно заложив ногу на ногу. Вот она всегда так... Слыхали вы ее?..

– Бог ее знает, как завралась... – сердито проворчала Евтихьева и смолкла, жуя яблоко.

– Да... – бледно и как-то болезненно улыбнулась Михайлова. – Вспоминается сказка Гаршина, помните?..

– «То, чего не было»? – подхватила Семенова, сверкнув глазами.

– Да... Так и кажется, слушая вас, что надвинется какая-то стихия в лице Антона-кучера... и раздавит всех нас с нашим крохотным счастьем, которое досталось нам так дорого... Такая чудная сказка... И такой трагический финал...

– И раздавит... Ха!.. Ха!.. Наверное... И смоем бесследно... А в первую голову тебя, Софья Сергеевна – и вас...

– Меня?! – Евтихьева замахала руками. – Будет вам глупости-то врать!.. Кажется, я никого не трогаю?

Она захватила пару яблоков и уплыла в гостиную. Надо было доглядеть, как играет муж и удержать его за фалду, коли зарывается...

Семенова хохотала, взявшись за бока и раскачиваясь на каблуках всем туловищем.

– Ха!.. Ха!.. Вот Гаршинская улитка-то! Мне был бы лопух, а его довольно... Вот я четыре дня ползу, а он все еще не кончается... А за этим лопухом. есть еще лопух... а в том лопухе наверно сидит еще улитка... Вот вам и все... Ха!.. Ха!.. Ха!..

Михайлова тихонько улыбалась. Улыбалась и хозяйка... Ах, милая, зубастая Лизавета! Сколько в ней бодрости!..

А Семенова продолжала, чуть не плача от смеха, цитировать Гаршина.

– И прыгать никуда не нужно... Все это выдумки и пустяки... Ха!.. Ха!.. Ну не гениально ли это подмечено?.. Сиди себе да ешь лист, на котором сидишь... Ох, батюшки! Умоорила!.. Уползла улитка., оскорбилась, никак? Ну уж типик!..

Она в изнеможеньи упала на стул и опять вытерла влажные глаза.

– Вот хохотушка-то... ешь мандарин!.. Как у тебя в горле не пересохнет от болтовни?

– Ах, люблю поболтать, – созналась Семенова. – В конторе день деньской молчишь, а тут точно тебя прорвет... И надо признаться, люблю в чужия дела нос совать, благо он у меня длинный... Недаром меня за-границей одна немка Naseveiss называла... А может быть, и ты на меня обиделась, Софья Сергеевна? – вдруг встрепенулась Семенова.

Софья Сергеевна добродушно махнула рукой.

– Что на тебя обижаться?.. Ведь это ты не серьезно, надеюсь?

– Ах, серьезно, голубчик! Ты стоишь на очереди, так сказать, и обречена на вымирание... Постой... Дай мне кончить... Возьми-ка литературу... Сколько вымерло на Руси типов?.. Гоголевские, Тургеневские... Все эти Коробочки... Плюшкины... Чертопхановы... Лизы, кончающие монасты-

рем... Пройдет еще лет пятьдесят, и такие «барыни», как ты, тоже будут анахронизмом... Люди XX-го столетия будут читать о наших укладках и дивиться, на каких бахчах такие фрукты росли?.. Сытые, обеспеченные... за четыре стены замуравовшиеся от общества... ко всему глухия и слепые, как кроты!..

– Что такое?.. – вскинулась Софья Сергеевна и грозно сдвинула темные, как бархат, брови. – Ты опять, кажется, завралась, Лизаветушка?..

– Не хотите-ли вы этим сказать, что будущее принадлежит таким, как я?.. – с горечью подхватила Михайлова.

Семенова живо обернулась к ней, и глаза её вспыхнули, как угольки.

– Именно... Таким, как вы...

– О не дай Бог!.. – горестно воскликнула Михайлова. – А детей?..

– Да... ты о них забываешь...

– А вы забываете о жизни, которая усложняется? Она жестока, беспощадна, она не считается с вашими чувствованиями, она требует громадной затраты энергии... Вы забываете о борьбе за существование, которая становится все напряженнее... Вот твой муж, соня, в трех местах служит... И то не хватает средств... Жизнь дорожает, а жалованье не прибавляется... и конкуренция все-таки громадная...

– Ужасно!.. – болезненно вырвалось у Михайловой.

– А почему вы, Ольга Павловна, ушли на заработок? По-

тому что ваш муж не в силах прокормить один всю семью?..

– Еще-бы!..

– Вот вам закон необходимости!.. Ход жизни вытесняет Софью Сергеевну и на её место ставит Ольгу Павловну... И через полвека от Софьи Сергеевны останется одно воспоминание...

– Послушай... Ты говоришь возмутительные вещи...

Софья Сергеевна начинала сердиться.

– Можешь возмущаться... Но это фатально, душа моя...

– Я считаю себя печальным исключением, и мою семейную жизнь уродством... – печально усмехнулась Михайлова.

– Нет... Это только ассимиляция... Тот закон, по которому лягушка принимает цвет травы, а червяк поразительно похож на сухую веточку... это борьба за жизнь, только приспособление... словом то, Софья Сергеевна, чего у тебя нет...

– Но есть у моей кухарки?

– Вот именно... что есть у твоей кухарки... у горничной, у крестьянки, уходящей на промысел или фабрику. Там это давно... Но теперь это течение захватывает и новые слои... и нашу буржуазию...

– Радуешься ты чему-же?.. Скажи, пожалуйста!..

они страстно заспорили, перескакивая с предмета на предмет, коснулись и воспитания. Сыпались цитаты, ссылки на Руссо, на утопистов...

– Ты проповедуешь эгоизм... – кричала Софья Сергеевна.

– Нет! Это вы – жрицы его, буржуазные дамы... рассадники мещанских стремленьиц, мелких чувств и посредственностей...

– У тебя ум за разум зашел. Надо-же так зарапортоваться!..

– Это ужасно, если это так... – вмешалась Михайлова. – Дети-то чем же виноваты?

– Нет виноватых, говорю вам... Жизнь виновата... Современное человечество представляется мне облеченным в Тришкин кафтан, который трещит по всем швам, потому-что Тришка его перерос...

они все втроем кричали разом.

– Господа!.. Этак нельзя... – раздраженно протестовал Михайлов. – Мы сами себя не слышим...

– Что вы сказали?.. Я ничего не разберу... Чего у вас пять?.. – сердито переспрашивала Анна Денисовна.

– Затворите двери, господа!..

Тетушка встала и на ципочках пошла к дверям.

– Ах, Боже мой... Что за отчаянная девица!.. – сокрушенно вздохнула Евтихьева, глядевшая одновременно в карты мужа и в карты соседа.

– Король-девка!.. убежденно повторил Ельников, нервно дернул себя за бороду и выкатил глаза на партнера.

– Нет ничего выше материнской любви!.. гремел через запертые двери голос хозяйки. – Назови ты что-нибудь более святое...

– Пику клади... – шепнула под шумок Евтихьева мужу, который разыгрывал малый шлем.

IX

Вечер был в разгаре. Жара доходила до двадцати слишком градусов. В гостиной дым ходил сизыми волнами и свечи, казалось, горели тускло. Лица игроков раскраснелись и вспотели. За Анну Денисовну было страшно. Так и думалось, что ее хватит удар. Бледен, был только один Иванов. Он все поживался от озноба, который прохватывал его все сильнее. В голове его стоял туман. Он проиграл что-то очень много, около двадцати рублей, и досада на ненужность этой утраты и всего этого вечера проникала его все сильнее, по мере того, как он яснее сознавал неотразимость болезни, захватившей в свою власть его надломленный организм.

«Тиф, что-ли?» – проносилось в его голове между двумя ходами. – «Ведь этак и умереть недолго»... И страх за детей, и жалость к жене тоскливо сжимали ему сердце. Вспомнилось ему, как он обидел ее нынче, как бешено кричал на детей... Их испуганные личики всплыли перед ним...

– Мерзость какая!.. – сказал он вслух.

– Да кто же виноват?.. – завопил Михайлов... Ведь я же с начала игры ренонс открыла в бубнах... А вы дуετε в трефы?.. Верная игра проиграна... – сердился он, как и всегда, впрочем, бывший в проигрыше.

Софья Сергеевна вошла на минуту в гостиную и испугалась мертвенной бледности мужа.

– Тебе нездоровится?... – шепнула она и ласково положила ему руку на плечо.

Он виновато посмотрел ей в глаза и на секунду задержал её руку, прикрыв ее своей горячей, сухой ладонью.

Это было тайное примирение супругов и оба почувствовали облегчение.

– Нынче ваш муж лапти плетет, – капризным тоном балованного ребенка пожаловался Михайлов.

Софья Сергеевна сощурилась на запись и еле сдержала восклицание. Но, не желая омрачать ни мужу, ни себе этой минуты, она добродушно засмеялась и потрепала Петра Николаевича по руке.

– Хозяин обязан быть в проигрыше... Вот вы сядьте с Анной Денисовной... Отыграетесь наверно... Ишь как ей везет!..

– Ей всегда везет, – недовольно пробурчал Михайлов и, разобрав только что сданную игру, бросил карты на стол с безнадежным жестом.

– Пасс!.. – произнес он уныло, с таким выражением и лицом, точно намеревался сказать: «Не стоит жить, господа»...

Из кухни, не смотря на тщательно запертые двери, проникал запах жарившейся индейки. Все остальные хлопоты по ужину были уже закончены. Горничная накрывала на стол под присмотром самой хозяйки. Софья Сергеевна не доверяла шустрой Ольге уставить новый хрусталь. Того гляди, опять грохнет рюмку!.. А у них такие чудные тоненькие нож-

ки!.. Да и расстановка тарелок с закусками требовала тоже больших соображений. Анна Денисовна, например, любит закусывать зернистой икрой и сардинками, а запаха селедки и омаров не выносит. Муж её любит преимущественно селедку, да еще с репчатым луком... Значит надо их рассадить подальше друг от друга. Михайлов обожает омары, но для его желудка это яд, и Ольга Павловна за этими ужинами ни жива, ни мертва, так и следит за каждым куском, который направляется в рот возлюбленного Павлика. Надо поставит омары и семгу на другой конец стола и закрыть их бутылками пива и вина. А Михайловых посадить рядом, поближе, ну хоть к невинной икре, или к той же селедке...

Сдвинув темные брови, она ходила глубокомысленно вокруг стола, отдавая горничной короткия приказания.

Наконец, все было готово. Слава Богу!.. Можно вздохнуть полчасика, пока игра не кончилась!.. Вот только достать из комода новые салфетки... Прислуга не умеет уложить их эдаким особенным манером, чтобы они на тарелке напоминали ухо датского дога, круглое, твердое, чуть приподнятое.

В спальнoй, куда она вошла, отдуваясь и вытирая пот, выступавший поминутно, как бисер, на лбу и верхней губе, – было сравнительно прохладно и дышалось легко.

Михайлова и Семенова сидели одна у туалетного стола, другая рядом с швейной машинкой. Михайлова перебирала листья какого-то затрепанного иллюстрированного журнала, она была так поглощена разговором, что даже не заметила

хозяйки.

– Что же вы предлагаете взамен?.. – спрашивала она, с тревогой глядя в лицо Семеновой. – Ведь нельзя же истребить в людях потребности любить, сходиться?..

– А они все о том же?.. Как это им не надоело?.. – подумала Софья Сергеевна и загремела ключами.

Ящик выдвинулся. Пахнуло фиалкой от атласных подушечек, незаметно приютившихся в грудах белья...

Сколько его тут было!.. Белье, как и посуда, сделалось страстью Софьи Сергеевны по мере того, как они выходили из прежней нужды.

– Шесть... восемь... десять... двенадцать... – отсчитывала она, наслаждаясь видом и прикосновением к этим твердым глянцевиным салфеткам, с огромной монограммой и дорогим рисунком... Как у Анны Денисовны...

– Шестнадцать... восемнадцать... двадцать... двадцать две... Хватило... Слава Богу!..

– Ольга!.. – позвала хозяйка, приотворяя дверь. – Возьмите белье!..

они обе двинулись в столовую, осторожно неся душистые салфетки.

– А дети?.. – тоскливо прозвучал в догонку им старый припев.

– Она, однако, только об одном и говорит... подумала невольно Софья Сергеевна – и как-то сразу ей стало ясно, что в жизни этой хрупкой, но мужественной женщины есть

скрытая драма.

– Когда-нибудь человечество разрешит и эту задачу к всеобщему благу, поверьте... – долетали смутно отдельные фразы.

– А пока-то?.. Пока?.. – плачущим голосом говорила Михайлова. – Неужели вас не возмущает эта жестокость?

– Ах, Боже мой!.. – донесся в столовую страстный голос Семеновой и вызвал улыбку на румяные губы хозяйки. – Вы вдаль глядите!.. Вдаль... в перспективу... Нельзя в таких вопросах под ноги смотреть, да на месте топтаться!..

Софья Сергеевна вернулась, приказав горничной опорожнить на ломберных столах пепельницы, полные окурков.

– И откройте фортку в столовой... Только не забудьте притворить двери в детскую... Слышите, Ольга?

Софья Сергеевна упала на кушетку и с наслаждением вытянула ноги. Пятки у неё так и ныли.

Семенова мелкими шагами бегала по комнате и нервно потирала руки. Галстух её слегка сбился на сторону. Волосы на висках вспотели и растрепались. Михайлова с угнетенным видом шелестила листами журнала.

– Никак молчите?.. Вот чудеса-то!.. – усмехнулась хозяйка.

Михайлова подняла голову и бледно улыбнулась.

Семенова остановилась перед хозяйкой и добродушная Насмешка засверкала на её подвижном лице.

– Что, великомученица Софья... Притомилась?.. Разлег-

лась?.. тяжела, видно, шапка Мономаха?

– Тяжела ли, нет ли, – а только это жизнь... А книги твои – бредни...

– У тебя-то жизнь?.. Пыль, сор, суета сует...

– С людьми живем. А как же по-твоему связи поддерживать?

– То-есть как это связи?.. С кем?.. Для чего? Откуда?.. На какой почве возникает эта связь? На зеленом столе, что-ли?

Софья Сергеевна нахмурилась.

– А Халчевы?.. – повысила она голос.

Она подвинула себе под локоть старую атласную подушку, оперлась на нее и с вызовом посмотрела на подругу.

– Ты думаешь, Лиза, такие люди нам не нужны?

– Это Анна Денисовна-то?.. Эта иоркширская свинья усовершенствованной породы?

– Тише, Лиза!.. Ты с ума сошла!..

Хозяйка испуганно оглянулась на дверь.

Михайлова, тихо улыбаясь, притворила ее и села опять на место.

– Чего же ты от неё ждешь?.. Сочувствия?.. Помощи?.. Дружбы?.. Случись что с твоим мужем, завтра, ты думаешь, такие друзья выручат тебя из беды?

Софья Сергеевна была суеверна. Она чуть-чуть побледнела и тихонько поплевала налево – (от глаза)...

– Ну будет тебе каркать!.. Терпеть не могу!..

– Да уж очень досадно!.. Пять человек детей... а в один ве-

чер швыряют такую уйму денег... Подумаешь, богачи, рентьеры!.. И кому удовольствие?

– Анне Денисовне, – упрямо заявила хозяйка, теребя облезлую кисть подушки.

– Ну да!.. Уйдет и тебя же осудив, что тянешься за ней из последнего... Ты думаешь, она тебе это варенье простила? Сделай одолжение, запомнит...

– Н-ну?.. – мечтательно улыбнулась Софья Сергеевна, вспоминая гневное и оскорбленное лицо инженерши.

– Кого, значит, ты тешила этим жур-фиксом?.. Свое собственное... самолюбие?

Глаза Софьи Сергеевны весело блеснули.

– Ну уж договаривай!.. Мещанское?

– А, конечно, мещанское... Утерла нос Халчевой, – говоря высоким слогом... Это называется «поддерживать связи»...

– Барыня... а барыня... пожалуйста на минутку, – таинственно зашептала горничная, приотворяя дверь.

Ужас вдруг отразился в чертах хозяйки.

«Разбили что-нибудь... подгорела индейка... кошка соус опрокинула»...

– Что такое?.. – упавшим голосом спросила она, быстро свесила ноги и кинулась к дверям.

– Я насчет маринаду... Как его, значит, разложить?..

– О, Господи!.. Можно ли так пугать?..

они скрылись на кухню.

Когда она минут через пять вернулась, Семенова, заложив

руки за спину, стояла перед Михайловой и, высоко подняв брови, глядела вниз на нее без обычного сарказма, – с добротой. А Михайлова, нервно теребя и надрывая углы журнала, говорила с дрожью в голосе, с опущенной головой:

– Разве у меня есть семейная жизнь? Я – не мать детям... Когда я их вижу? Я и мужу-то почти чужая теперь... Весь день на уроках... И переделать тут ничего нельзя!.. За то теперь у детей светлая, сухая квартира, сытный стол, бонна... летом дача... Я знаю, что они не погибнут, как те... от сырости и недостатка питания... Моя первая девочка... Господи!.. Могу ли я это забыть?.. У меня молока не было... а на кормилицу средств не хватало... Павлик сорок рублей получал... только... Как она мучилась воспалением кишок, моя крошка!.. Бывало Павлик... схватится за голову и., зарыдает... как мальчик... «Оля... Оля»... – скажет... «зачем мы только встретились»!..

Михайлова сильно побледнела и закрыла рукой глаза. Журнал тихо соскользнул с её колен.

– Так... так... – шептала Семенова, высоко подняв брови и сострадательно глядя на эту маленькую женщину, Которую не могла не уважать. – Все это так... все это неизбежно...

– Не плачь, Оля, – ласково промолвила хозяйка и глубоко вздохнула.

– Господа... ради Бога... извините... Это от усталости... Вышла тяжелая пауза.

– Да, ничего нет страшнее нужды... – задумчиво согласи-

лась Семенова.

– А все-таки лучше бросить половину уроков, – начала Софья Сергеевна. – Вдруг без тебя нянька уронит девочку!.. И она горбатая выйдет!.. Или, представь, пожар!..

– Ну, милая, так нельзя, – вспыхнула Семенова. – «Если, да если»!.. Разве при тебе нянька не может уронить ребенка?.. И пожар при тебе может случиться... А ты вместо детей вынесешь вот эту подушку, либо чернильницу!.. Ты-то разве никогда из дома не выходишь?

Софья Сергеевна покраснела при таком неожиданном обороте разговора. Ей вспомнилось, что она редкий день не ходит в гости или в лавки днем, а вечерами – пять дней из семи винтит в клубе, либо в гостях...

– Так не могу же я, как Анна Ельникова, в гости, или в театр ходить с целой оравой детей!.. – В голосе хозяйки послышалось раздраженье. – Вот Евтихьева на днях рассказывала... Позвали Анну куда-то в гости... к Петровым, кажется!.. А она явилась со всем выводком... «Мне, говорит, их не на кого оставить... Куда я, туда и они»... Скажите на милость, разве это не рисовка?.. Наконец, это не деликатно... и смешно... Их пятеро... Изволь всех накормить!..

– Нет!.. Отчего-же? – вступилась Михайлова. – Это последовательно... Анна Николаевна даже съесть себе чего-нибудь такого не позволить, чего нельзя её детям... Ах, чудная, идеальная женщина! – с восторгом воскликнула она, и бледные щеки её вспыхнули опять.

– Несчастливая женщина, – возразила Семенова. – Жалкая фанатичка!.. Как надо отупеть от такого существования. Как далеко уйти от жизни!.. Охладеть к обществу!.. Квинт-эссенция эгоизма...

– Помилуйте, – Михайлова всплеснула руками. – Да ведёт её жизнь – подвиг... Сплошное самоотвержение...

– Куропатки, – холодно закончила Семенова. – Ах!.. Право, эти семейные подвиги меня ничуть не трогают!.. Думаете-ли вы, что образцовая мать не шарахнет в ужасе, когда в кухню к ней войдет другая мать-нищая, с большим и грязным ребенком на руках?.. Что она, поймет эту мать? Не крикнет ей: «не смей ходить в кухню!.. Еще заразу занесешь...» Или вы полагаете, что она не отправит в воспитательный дом подкидыша, найденного на крыльце её квартиры?.. Ах, эти чадолюбивые маменьки!.. Не из их ли деточек выходят карьеристы, шелопаи, люди с похвальной умеренностью запросов, с душевным убожеством? Жаль, право, что нет такой статистики, которая наглядно показала бы, сколько физического и нравственного увечья наносят эти маменки своим детям!..

– Анна Николаевна – такой развитой человек... Не забывайте, она была на курсах... Она мне как-то раз говорила, что следит за каждой мыслью ребенка...

Семенова залилась смехом.

– Будет вам!.. Кто уследит за чужой мыслью?.. Ха!. Ха!.. А ребят-то пятеро!.. Вот тут и уследи...

– Чепуха! – злорадно усмехнулась Софья Сергеевна.

– Наконец, это возмутительное насилие над детской душой... Вести их на помочах, угнетать контролем... Кончится тем, что она их обезличит...

– Ох, она такой деспот! – встала опять хозяйка. – А дети растут эгоисты, требовательны до невозможности... Прямо кусок готовы вырвать у неё из рта... особенно старшая девочка... А сын – лентяй... На второй год остался в первом классе... Один Миша у них – ничего себе...

– Вот видите!.. Нет, Ольга Павловна!.. Для воспитательницы мало образования и подготовки... Призвание нужно, талант... Помните, Руссо сказал: чтоб воспитать человека, надо быть больше, чем человеком...

– Но ведь вы берете частный случай, – напомнила Михайлова.

– Нет... Позвольте... Почему у нас не рождаются музыкантами, ни адвокатами, ни портными, ни поварами?.. Для всего учиться нужно... А рождаются прямо воспитательницами. Чудеса!.. Ни развития, ни даже элементарного знакомства с физикой, химией, физиологией, психологией, педагогикой, ни черта, что называется!.. А так – прямо, как Минерва из головы Юпитера, – выходят образцовыми матерями... Ха! Ха! И над лягушкой-то умеючи нужно опыты делать... Вот люди, которые ополчаются на вивисекцию, считая ее бесполезной жестокостью... А тут ежедневные эксперименты над человеческой душой. Да разве это не возмутительно?.. Не пора-ли покончить с этими заблуждениями?.. Mesdames!.. Вы к ва-

шей плите подходите с большим уважением, чем к душе вашего ребенка... к этой таинственной душе, ключа к которой не нашла еще современная наука...

– Положим, я никогда не заявляла, что я образцовая мать, – обидчиво начала Софья Сергеевна.

– Полно! – Семенова выразительно махнула на нее рукой. – Вы все себя такими считаете... Вам это мужа внушают... Потому что их мужская самовлюбленность и тщеславие не могут допустить, чтоб их жены, – женщины, их выбравшие и т. д. – были посредственностями... Нет ума и талантов?.. Пусть!.. За то все добродетели на лицо!..

– Значит, по-вашему, самое лучшее – отстраниться?

– Да... это, пожалуй, честнее...

– Бросьте спорить, Ольга Павловна!.. все равно не столкнетесь с нею...

– Нет, мне интересно, что же Лизавета Антоновна предлагает взамен?

– Софья Сергеевна... Мы кончили, – сказал хозяин, отворяя дверь.

Софья Сергеевна вскочила горошком, чего никак нельзя было ожидать от её комплекции, – и так стремительно ринулась в кухню, что не дослушала, когда, наконец, по мнению Семеновой наступит золотой век.

Х

Эффект провансаля вышел необычайный. Анна Денисовна не сдавалась на клятвы хозяйки, что этот соус она делала сама.

– Вы мне скажите только, в каком ресторане заказывали и сколько заплатили повару?.. – злобно настаивала она.

Призвали в свидетели и кухарку, и горничную, и Фроську. Та, закрыв рот фартуком, хихикала и, глядя исподлобья на инженершу, твердила:

– С места не сойти, коли вру!.. Сами барыня делали!..

Дамы улыбались, довольные посрамлением инженерши, и подбивали хозяйку вызвать еще свидетелей.

Анна Денисовна от волнения была фиолетовая. Она с презрением отвернулась от «свидетелей», показала спину дамам и объявила, что поверит только тогда, когда Софья Сергеевна приготовит ей провансаль в её собственной Халчевской столовой. Это выходило прямо-таки грубо. Но Софья Сергеевна была так опьянена своим торжеством, что пропустила это мимо ушей.

– С удовольствием, Анна Денисовна!.. – сочным звуком сказала она.

– Ай-да барыня!.. – слышалось со всех сторон. – Вот так хозяйка у вас, Петр Николаевич!..

– Ублажают вас соусами, небось?..

– И счастливичик-вы, батенька!.. А вот моя и говядины толком купить не умеет...

Софья Сергеевна сияла, как именинница. А Петр Николаевич, бледный и постаревший как-то сразу, кривился нервно, стараясь улыбаться и быть любезным...

– Скорей бы уходили!.. Скорей бы конец!.. – думал он, чувствуя, что изнемогает.

Наконец, дверь хлопнула за последним гостем.

Алчная нянька, переругиваясь с Ольгой из-за «чаев», повесила на пустую вешалку господские шубы, спрятанные на время в детской...

Последние огни погасли... Комнаты опустели. Дом уснул
Пробило четыре.

Софья Сергеевна проснулась.

Сухая, горячая руки разметавшегося мужа задели ее по лицу и заставили испуганно приподняться. Сидя в темноте, с заплетенной на ночь косой, в одной рубашке и кофте, обхватив руками колени, она теперь с ужасом вслушивалась в стоны и отрывистый бред больного.

Горячая руки словно жгли ее. От всего худого тела, распростертого беспомощно подле, на сбившейся простыне, так и шел жар, томивший Петра Николаевича.

«Инфлуенца, что-ли?.. Доктора?.. Или подождать до утра?.. А что если это тиф?.. Если»...

Зубы её застучали.

Она встала, надела юбку и залегла свечу. Одну минуту ей

хотелось разбудить Ольгу и послать ее за доктором. Но за каким?.. Петр Николаевич никогда не лечился... Да и не хворал никогда... только хирел...

Ну приведет Ольга какого-нибудь заспанного неуча... Заплати ему красненькую... А он ничего не разберет, с видом дельфийского оракула пропишет салицилу на двугривенный, глубокомысленно промычит. А еще, пожалуй, обругается... – Что, скажет, вы раньше думали?.. До пяти утра?.. Где вы были?.. Что ответить?.. Гости сидели... Не заметили за гостями... Надо было кормить ужином, провансалеме удивить мир...

Софья Сергеевна хрустнула пальцами и беспомощно села на кушетку. Она совсем растерялась.

Или подождать до семи?.. до рассвета?..

Пробило пять. А она все сидела, свесив остывшие ноги, кутаясь в теплую шаль и чего-то выжидая... На нее напало странное душевное оцепенение. Перед ней всплывало фиолетовое лицо Анны Денисовны, глупая ухмыляющаяся рожица Фроськи...

«Нос утереть Анне Денисовне» – словно крикнул ей в уши голос Семеновой... Да, глупо как!.. Семьдесят пять рублей брошено в один вечер... Ее же теперь осуждают за безумные траты... А вот сейчас где взять, если что серьезное?.. Аптека, доктор... как вода плывут деньги в такое время... Боже мой!.. Зачем?.. Зачем?..

Жгучее чувство жалости, раскаяния и стыда все росло,

раз проснувшись. И как это часто бывает в жизни, – теперь, когда она почувствовала себя одинокой, беспомощной и несчастной, – в виду неожиданно грянувшей беды, – она с удивлением припоминала все свои заблуждения, видела тщету и мелочность своих стремлений... При свете вспыхнувшей совести она читала эту повесть жизни своей за последние десять лет – и ей становилось жутко... Сквозь туман сознания мерцали какие-то выводы, – грустные, тревожные... Ведь не того хотела она когда-то в девушках... И в Петре Николаевиче – говорила Анна еще – искорка горела, когда он университет кончал... Как же это теперь так – вдруг ничего... из старого?... Куда ушло? Когда?..

Мысли путались.

Мысли опять бежали назад... казалось, к недалекому прошлому... И вспоминался ей молодой Петр Николаевич, – румяный, здоровый, с блеском в глазах, с громким смехом... Сколько лет его смеха не слышно!..

И нос у него был даже словно другой, круглый... не заостренный, как теперь... А она сама – тоненькая, беленькая!..

У неё задрожали губы.

«Тучные египетские коровы»... вдруг прозвенел слезой бешенства голос мужа... Вся картина утренней ссоры по ассоциации всплыла в памяти. – «Пришли и сожрали мужей»... Господи!.. да неужели так?.. Неужели из-за меня?.. Но ведь дети же... Для них ведь все... – шептала она, цепляясь за эту мысль, чтоб оправдать себя перед кем-то, кто в

этой ночной тишине обвинял ее за скомканную жизнь мужа.

Она не заметила, как задремала, уронив на грудь голову.

Вдруг ее словно толкнули.

В столовой пробило половину шестого. Свеча трещала на столе. Из-за перегородки слышалось тяжелое, короткое дыхание, как бы свист, вырывавшийся из легких.

Вдруг больной захрипел и закашлял. Она вскочила и бросилась за перегородку.

– Петя... Воды хочешь?..

Она нагнулась. Ей пахнуло в лицо жаром и испорченным дыханием. Он стонал, не приходя в себя, и бормотал что-то... Она расслышала что-то болезненное... Анна Денисовна... сдача... Сережке скажи... под № 53 бумага переписать... пятнадцать копеек...

«Пять червей»!.. – вдруг крикнул он и сел на постели, вперив мутный взор в ситцевую ширму.

– Петя... – робко позвала жена.

Он засмеялся, забормотал еще быстрее, закашлялся, охнул и голова его опять упала в подушки.

Она села в ногах и тихонько заплакала.

Он и простудился-то вчера... Нынче пришел больной, голодный... А как она его встретила?.. Есть не дала!.. А на кухне чего-чего только не было – для чужих?.. А вот они все ушли, бросили... она одна... И никому дела... А он побежал во выюгу... Может быть, там-то и простудился?.. Ну, конечно... Господи! Господи!.. Да кто же мог это думать?..

Она опять не заметила, как забылась, прислонясь к резной деревянной спинке кровати. Она была слишком здорова и уравновешанна, чтоб бороться с мощной потребностью покоя, после такого утомительного дня. Она все вздрагивала во сне, мычала, стараясь проснуться, чувствуя, что спать нельзя, – но это было выше её сил.

Семьдесят пять рублей!.. – словно крикнул кто ей в уши.

Она испуганно вскинулась. Он – что ли – это сказал? Или ей приснилось?

Она протирала глаза. Часы басисто и меланхолично били шесть... А перед ней опять замелькало усатое лицо инженерши, новое, пестрое блюдо с провансалем... запись на углу стола мелком... Двадцать пять рублей... и проедено, да выпито столько же... А сервиз?.. Ах!.. – Сердце больно кольнуло. – А шуба-то шуба-то, у Петра!.. Ветром подбитая... Как женился – одна... вытерлась... Все не соберут денег на новую... Его оттого и прохватило... А в доме-то – лезли воспоминания, – в доме-то сколько дыр!..

В комнате остыло. Видно было, что мороз крепчал. В трубе тихо завывала умиравшая мятель.

– Это ты, Соня... – вдруг спросил Петр Николаевич и поднял руку. – Который час?

– Петечка... Что с тобой?..

– Плохо, мать; совсем плохо... Словно уплываю куда-то, сил нет... кружится...

Она всплеснула руками и кинулась будить Ольгу. Сон вос-

кочил с неё разом. От этих простых смиренных слов «совсем плохо» – ее всю кинуло в дрожь.

Заспавшаяся Ольга долго не понимала, чего от неё хотят.

Заперев за ней дверь, хозяйка вернулась в спальню. Она стояла перед кроватью, поводя плечом и натягивая спавший теплый платок, с тупым, растерянным выражением в остановившихся зрачках.

– Сережка, это ты, негодяй?.. – вдруг шутливо спросил Иванов.

– Я, Петечка... Я... – сказала Софья Сергеевна, – и губы её дрогнули по-детски... Иванов бормотал что-то, улыбаясь и глядя помимо лица жены. Она с решимостью натянула платок на остывшее плечо и пошла в гостиную, чтоб зажечь лампу. Доктор мог придти каждую минуту.

Комната носила следы ушедших людей. В пепельницах валялись окурки, корки от апельсинов. Кресла словно дремали вокруг раскрытых столов, среди тишины и тьмы. Надо было одеться. Наскоро умываясь и застегивая бумазейную блузу, Софья Сергеевна строила планы, как изменить жизнь, чтобы Петр не надрывался за работой... Эдак, действительно, протянуть не долго!.. Надо сократить расходы. И раньше – помнится – приходили ей в голову эти благия намерения, – но жизнь властно устраняла все сомнения, и по инерции продолжалось суетливое, полное мелочей и ненужностей существование...

«Нет!.. Теперь грешно раздумывать», – говорила она се-

бе, расчесывая косу и стараясь побороть жуткое предчувствие, подымавшееся словно призрак из тайников её души, – уродливый, бледный призрак, с оскалившейся мертвой головой.. – Надо действовать... По новому жить... Но с чего начать эту ломку?.. Вот вопрос... С чего?..

Весь дом еще спал. В детской Софья Сергеевна погасила коптивший ночник – эдакая неряха нянька!.. не может фитиля обрезать, – поглядела на спавших детей, прикрыла одеялом голые ножки своего любимца, – маленького, – и вдруг спазм сдавил ей горло.

Она ушла в гостиную и разрыдалась.

«Сироты... несчастные сироты»... Вот какая мысль пронзила ее, пока она стояла в детской, и призрак несчастья, который она гнала от себя, вдруг взвился перед ней. – Нет!.. Нет!.. – в суеверном ужасе шептала она, стараясь думать о другом... об обеде... о сапожках Вити, которые нынче принесут... – Чья вот это рука?.. Какая запись огромная... – Она наклонилась над сукном, стараясь понять полустершиеся цифры...

«А какой он будет длинный-длинный... на нашем столе... На обеденном?.. да, на котором вчера ели провансаль... Надо будет доску лишнюю вставить... Мертвецы всегда вытягиваются»...

«Ах, что я!.. Тьфу!.. Тьфу»!..

Она зажмурилась и перекрестилась торопливо и виновато... Но фантазия работала... вызывала перед ней потряса-

ющую обстановку смерти, похорон... лиловый гроб... Нет, лучше белый... Испуганные личики детей в трауре... А у неё-то как на грех – ни одного черного платья. Как на грех! Тьфу!.. Тьфу!.. Господи!.. Да что же это я?.. Словно нарочно!

Она вскочила и прошлась, передвинула в беспорядке разбросанные стулья и опять опустилась в кресло, у окна. Затаив дыхание, задерживая слезы, она глядела перед собой широко открытыми глазами, – и опять видела панихиду, лицо мужа в гробу... такое худое... с обострившимися чертами... слышала заунывный напев: «со святыми упокой»... Слезы брызнули из её глаз.

А вот эта минута на кладбище... когда стучит земля по деревянной крышке! А эта минута, когда она вернется сюда... вот в эту гостиную, по этой лестнице...

– Господи... Господи!.. – пролепетала она, тоскливо озираясь, не в силах справиться с мыслями...

Вот она вдова... Кончен раздирающий душу обряд... Все ушли... даже Лиза... Настала ночь... Она одна вон там... в спальне... А тот, кто всю жизнь работал для неё, не покладая рук... этот «идеальный батрак» (вспомнилась и больно кольнула ядовитая фраза Анны Ельниковой) он – труп, зарытый землей... а она, – одна... состарившаяся, опустившаяся, никому ненужная, немилая... Одна...

Она плакала, положив голову на столик. Ей было жаль себя, жаль мужа... Слезы перешли в рыдания...

Вдруг у неёхватило дыхание и слезы остановились. Не

одна... В том-то и ужас весь, что не одна... А пятеро детей?.. Пять ртов, которые требуют пищи?.. А воспитать? В люди вывести?.. Как?.. Одной, без чужой помощи?.. Чем же она заработает?.. Это смешно... Она все перезабыла, что и знала... Наука, как и жизнь, ушла вперед... Поди-ка, догони!.. Да и что достанешь уроками?..

Краска стыда залила ей лицо, когда она вспомнила, как на-днях хладнокровно предлагала барышне пятнадцать рублей за полдня ежедневных занятий... как платила двенадцать рублей студенту. И барышня согласилась... хотя кончила с медалью... Но плата сбита до-нельзя... Все это говорят... Чем же жить тогда?.. Ведь это на улице с детьми остаться... Ремеслу что-ли научиться?.. Какому?.. Да и легко сказать – трудиться!.. Лет пятнадцать назад, в гувернантках, – труд опостылел и когда Петр Николаевич сделал ей предложение, – первой мыслью было: ну, слава Богу!.. Отдохну... Вот и отдохнула!.. Разжирела, разленилась... Сколько привычек!..

– А дети-то чем виноваты?.. – с новым приливом отчаяния спросила она себя. – И что же это за ужас, что со смертью отца семья выбрасывается на улицу?.. боже мой!.. Да разве я думала об этом, выходя замуж?.. Она оглядывалась растерянно кругом, среди этого внезапного крушения всего, чем она жила, чем была сильна...

Хоть бы доктор скорей!.. Хоть бы рассвет!..

Лампа гасла на столе и слабо булькала. А в окно крался

рассвет... И как эти первые, призрачные лучи зарождающегося дня входили в комнату, робко борясь с тьмой, но постепенно поглощая ее, так в измученную душу этой женщины тихо входила надежда, жажда покоя и забвенья.

«Может быть, обойдется?.. Пустяки»?..

В кухне стукнуло что-то. Внизу, где-то далеко, в чужой квартире гулко хлопнула дверь. Дом просыпался. Замершая на время жизнь давала себя знать какими-то смутными звуками, таинственным, неясным шорохом. А в ушах, словно тревожный призыв набата, звучал голос Семеновой:— «через пятьдесят лет такие барыни, как ты, будут уже анахронизмом»...

Она вспоминала... и ей так ясно представились её давно забытые ощущения ранней юности... Вставать до рассвета, вот в такой мгле, дрожа от холода... бежать под дождем или в мятель на урок... трепетать за завтрашний день, когда случай может отнять даже этот жалкий заработок... Нервное напряжение, зубные боли, вынужденные улыбки, унижительные просьбы... О, жутко!.. жутко... Стоит ли жить?

Она вскочила. «Что это»?

Она ясно расслышала кашель мужа... такое особенное, «сознательное» откашливание. Она кинулась в спальню и у двери услышала, как Петр Николаевич чиркает спичкой, зажигая папиросу.

— Ну что, Pierre... как?.. — трепетным от радости голосом спросила она.

Он страшно осунулся, но глядел сознательно.

– Да ничего... ночью было скверно, кажется... Наверно инфлуенца... Дай-ко рубашку поменять!..

– Неужели вспотел?

– Весь мокрый... Что это ты поднялась так рано?

– Слава Богу... слава Богу! – нежно и радостно лепетала Софья Сергеевна, наклоняясь над комодом.

В передней раздался звонок доктора.

* * *

С неделю Иванов прожил, как именинник, встречая дома небывалую заботу и комфорт, видя давно забытую ласку. Сначала он сердился на доктора, запрещавшего выходить на службу, и на жену, спрятавшую его шубу и ботики (в сундук, под замок), – кричал, что уйдет и так, что его выгонят отовсюду... Наконец, смирился и лежал покорно на кушетке, в стареньком халате и шлепанцах, с книгой, среди полной тишины. Жена ходила на цыпочках и шикала на детей. Ему покупали рябчиков и мармелад. Даже стирку – которой он не выносил, – отменили и все белье отдали прачке.

– А хорошо иногда поболеть, – говорил он жене, кротко улыбаясь.

А она, вся какая-то затихшая, важная, матерински любящая, с бесконечным вязаным одеялом в руках (она вязала его шесть лет) сидела подле, двигалась бесшумно, и все об-

думывала, как начать жизнь по новому, какие расходы сократить?... Как облегчить бедному Pierr'у его «батрацкую долю»?

С Лизой надо поговорить... с мужем посоветоваться... растерянно думала она, не зная, за что собственно взяться, с какого конца начинать.

– Пустое, мать!.. – как-то безнадежно заявил муж, когда она с таинственным, значительным выражением в глазах, посвятила его в свои планы, – и даже рукой махнул.

– Ну вот, Петр, выдумал!.. Почему это пустое?... – обиделась она, полная самых благих стремлений.

Но... прошла неделя, прошла инфлуэнца... страхи забылись, память об этой жуткой ночи побледнела и жизнь пошла опять по старой колее...

А Петр Николаевич, как это ни странно, любил вспоминать об этой ночи, – о той минуте, когда он очнулся друг, увидел эту зажженную свечу... расслышал необычные шаги жены в гостиной и подумал, что умирает... Какое это было странное и важное чувство, непохожее ни на что!.. Такое холодное и чистое... Жена плакала, но это казалось мелким... Ну что ж?... Ну что ж?... – говорил он себе – и она умрет когда-нибудь... Все умрем... И совсем не страшно... Надо только понять... и примириться... Смерть – это покой... Как хочется поспать!..

Вот эта именно жажда покоя, это радостное ощущение его близости, – вот что было хорошо и необыкновенно... Не ду-

мать о кредиторах, о начальстве, о детских докторах... не мучиться заботой где перехватить деньжонок на дачу... Все забыть, словом, все... – и только лежать и спать, спать – без грез и пробужденья...

Петр Николаевич думал, что когда-нибудь придет его час... Но сумеет ли он встретить тогда смерть, как друга?.. Сумеет ли смириться, победить животный страх и быть готовым – как в ту ночь?

Пожалуй, бояться будешь?..

Ах, жаль, жаль!..

Он вспомнил странное чувство, с которым раз как-то провожал глазами покойника в гробу, на улице.

– Вот этот избрал благую долю, – казалось, говорил его взгляд. – Ему ничего не страшно...

Неужели он завидовал?

Кажется, да...